

работы в области санитарного благоустройства инженерно-технических и санитарно-гигиенических сил. Накануне обсуждения «водопроводных» докладов была организована поездка для осмотра водоочистой станции и мест забора воды из Оки.

Очень интересной оказалась экскурсия по лабораториям и другим учебно-вспомогательным учреждениям горьковского Инженерно-строительного института: осмотр гидравлической лаборатории, рентгеновского кабинета, архитектурно-строительного музея, физического кабинета, микробиологического кабинета и особенно музея и лаборатории по водоснабжению и канализации. Подобное ознакомление студентов с организацией практических работ и увязка этих работ с теоретическим преподаванием оставило у меня впечатление очень серьёзных достижений горьковчан в этом отношении.

Как теперь вошло в обиход, Облисполком устроил для участников конференции концерт с участием лучших оперных сил.

Подводя итог 1947 г., я отметил в своей записи в последний его день, что над всеми пережитыми в нём событиями стояло понимание, что самая большая ценность из всех доступных нам в нашей жизни ценностей, это близкие люди, наши друзья, а их с каждым годом оставалось у меня всё меньше. Ослабевают, стираются нити тесной внутренней взаимопринадлежности, а новых, свежих за десятки последних лет образуется мало. Это был самый трагический для меня итог истекшего года. И ещё, как общий внутренний, наполняющий и гложащий меня голос, — не столько ясное сознание, сколько преследующее меня смущение — огромная масса невыполненных задач, стоящих передо мною. Число их, их размеры растут беспощадно, а успеть их выполнить уже для меня непосильно!

## 1948–1954

Лето и осень 1948 г. связаны с наиболее тяжкими, невыносимо горестными переживаниями в личной жизни. С тех пор прошли уже десятки лет, но мысль восстановить в памяти долгую, полную волнений и тревог болезнь и последовавшую затем смерть Любви Карповны и глубоко волновавшие меня отношения дочерей между собой и по отношению ко мне, — даже сама эта мысль так тягостна и мучительна, что мне легче привести относящиеся к этому времени выдержки из повседневных записей в дневниках со 2 июня по сентябрь 1948 г., чем сосредоточиваться напряжённой работой памяти на восстановлении этой полосы жизни.

*2 июня 1948 г.* На заседании Научно-методического бюро санитарной статистики слушал прекрасный, составленный с большим пониманием доклад Зиночки о сессии Отдела гигиены и эпидемиологии АМН и о конференции по ликвидации санитарных последствий войны. После её доклада — моё сообщение о значении и содержании сессии Отдела гигиены и эпидемиологии АМН.

Дома беспросветно тяжёлая обстановка мучительного состояния Любови Карповны. Её страдания усугубляются невыносимо душной, жаркой погодой.

4 июня. По окончании государственного экзамена на кафедре проф. Владимира Андреевича Свешникова<sup>1</sup> он поехал со мной на машине в Лесное домой. Любовь Карповна в тяжёлом состоянии. Зиночка не отходит от постели тяжело страдающей мамочки.

6 июня. Утром рано и днём для отвлечения пытался работать в огороде. Вечер. Трудно понять, как уходит время. Со среды до сегодняшнего дня я не осознавал его течения. Три дня положение Любови Карповны непередаваемо мучительно тяжёлое. С таким трудом дышит! Воздуха не хватает. Дышать, оставаться жить всем существом стремится. Полностью ясное сознание. Кислород. Непрерывные впрыскивания камфары, кофеина. Ослабела, исхудала. Нет сил видеть её страдания, нечеловеческие томительные мучения.

8 июня. Утром пытался утомить себя физической работой, чтобы притупить беспредельное отчаяние. Непреодолимая потребность в посторонней поддержке, помощи. Куда обратиться? Вернулся домой почти в невменяемом состоянии. Больная всё в том же положении, на краю жизни. Кажется, меня не узнала совсем. Настоящий человек — Зиночка. Не отходит от больной ни на минуту. Полное самоотречение. Таков человек не в желаниях или словах, а в делах. У меня не хватает внутренних сил, теряю способность управлять собою.

9 июня. В состоянии полного расстройств уехал утром в Мечниковскую больницу. Госэкзамены по терапии с 10 часов до половины пятого вечера, затем до 20 часов — заседание Учёного совета Санитарно-гигиенического медицинского института (2-го ЛМИ). В общем, слишком много всякой словесности и славословия и так мало объединяющего дела. Для меня это настоящая трагедия: отсутствие вокруг созвучно настроенного круга захваченных пониманием предстоящих задач и работ сотрудников. Пустота и безлюдье. Нет ни научных сотрудников, ни студенческого кружка. В ГИДУВе — только К. О. Поляков, в Организации здравоохранения — понимающий, думающий и милый С. И. Цеймах и порывистый, юный и чистый душой М. Ю. Магарил. Теперь я лишён общества А. П. Омельченко. Нужно обдумать возможность его вовлечения в работы кафедры ГИДУВа. После заседания Учёного совета из Мечниковской больницы уехал с В. А. Свешниковым на его машине на «Полоску» — к больной. Положение бедной, мучительно страдающей Коки без утешения, без просвета. Изумляюсь, преклоняюсь перед цельностью, самоотречением, преданностью и самообладанием Зиночки.

11 июня. Утром — у больной дыхание частое, тяжёлое. Непрерывно — камфара, кофеин, кислород. Сознание отсутствует. Невыразимое страдание видеть так тяжело умирающую, перед глазами встаёт образ всегда бодрой, с твёрдой волей Любоньки.

Дома Любовь Карповну соборовал приглашённый откуда-то седой священник. У Зиночки последняя надежда потеряна, но с выдержкой и

<sup>1</sup> Свешников В. А. — крупнейший специалист в области судебной медицины.

самозабвением, с трогательной лаской и любовью она, не отрываясь, ухаживает за умирающей, уже не приходящей в сознание. И опять — такая трудная ночь.

12 июня. Не было сил и мужества возвращаться с госэкзамена. «Мама — в том же безнадежно тяжёлом состоянии».

13 июня. В три часа утра скончалась Любовь Карповна, после стольких страданий! Опустела «Полоска». Осиротела. Нет направляющей души. Всё бессодержательно, без цели, без смысла. Из дубовых веток, туи и белых роз я сделал венок, притупляя этой работой ужас боли. Туя и дуб были посажены мною, когда настойчивостью и почином Любви Карповны мы 35 лет назад начали строиться на «Полоске».

С 2-х часов до 4-х я был в Мечниковской больнице. Дома застал всех дочерей и внуков.

14 июня. Все практические заботы и хлопоты о подготовке похорон взвалены на Арсения Владимировича Шнитникова. Мне неловко, совестно и стыдно, что я от всего освобождён. Приехала Любочка. Неутешное терзающее горе. Лёва безропотно несёт огромный труд.

15 июня. На рассвете спилил большую ветку дуба и после долгих неудачных попыток сделал большой венок из её веточек. Вплёл белые розы и красные пионы. Лёля сделала из своих цветов большое покрытие. Любочка сплела гирлянду. Душат рыдания. Их невозможно подавить или заглушить. К 12 часам стали собираться посторонние. Пришли К. О. и С. И. Поляковы, Ал. Исаевна, неожиданно — Олимп. Яковл. Смирнова. От цикла слушателей — М. М. Ашмарина, Е. Я. Белицкая, Л. С. Каминский, соседние женщины, Лёлины подруги, А. Г. Подвысоцкий.

Прошли за гробом до Новой Деревни. На Серафимовском кладбище — за церковью, подле могилы первой жены Арсения Владимировича — Татьяны Владимировны Шнитниковой — похоронили. Было отпевание в кладбищенской церкви. Я не вошёл в церковь, не желая обращать в пустой обряд то, что при свободе верований может и должно быть выражением искренней веры и внутреннего признания — её исповедания. После того, как гроб опустили в глубокую могилу и над могилой насыпали землю и покрыли её цветами, наступило долгое тихое безмолвие.

Мне хотелось выразить в словах, обращённых к детям, внукам, друзьям и добрым отзывчивым людям, пришедшим выразить нам сочувствие, свои чувства. Казалось, что нужно дать смысл, содержание этому вниманию. Я хотел рассказать весь жизненный путь Любви Карповны — от работы народной учительницей до учёбы в Петербурге. Её бодрую решимость на всякую трудную работу. Её работу в Сибири в качестве фельдшерницы на переселенческих пунктах. Рассказать о том, что после нашей женитьбы она стала заниматься литературными и научными работами. В течение ряда лет сотрудничала в журнале «Научное обозрение», где вела отдел «научных новостей». В то же время в 1899 г. перевела с немецкого языка «Введение в философию» Eisler'a; книга эта в её переводе появилась в печати в 1899–1900 гг. в приложении к «Научному обозрению». Дейтельно сотрудничала в специальном зубоврачебном журнале «Вестник зубоврачевания», в котором в 1899–1904 гг. поместила целый ряд работ

по обзору иностранной зубоврачебной литературы и несколько более крупных переводных работ по зубоврачебной технике. В это же время Любовь Карповна сотрудничала по вопросам общественного призрения и народного образования в «Северном Курьере», а в 1906–1911 гг. сотрудничала в газете «Речь», где составляла обзоры для отдела «научных новостей» и поместила ряд корреспонденций из провинциальной жизни и очерки по вопросам образования. С 1911 по 1914 г. Любовь Карповна сотрудничала в «Русской мысли», где напечатала более десятка библиографических заметок, отзывов и статей по вопросам народного образования, по общественному призрению, по физическому воспитанию и по женскому вопросу. Доклад её «О постановке физического воспитания в средней школе» второму Всероссийскому съезду по женскому образованию был напечатан в 1914 г. в «Поволжском Вестнике» и помещён в Трудях упомянутого съезда. С 1913 по 1917 г. Любовь Карповна принимала самое деятельное участие в 14-м городском Попечительстве гор. Петрограда, где состояла председателем Комиссии по общественному питанию, председателем Комиссии по распределению городских стипендий в средние учебные заведения, а также председателем одного из районов на Выборгской стороне по обеспечению и помощи семьям запасных и т. д. В 1914 г., когда деятельность городского Попечительства прекратилась, Любовь Карповна работала организатором эвакуации голодных детей Петрограда в хлебные местности России.

Мне очень хотелось рассказать о преданности Любви Карповны труду в семье. Твёрдую направленность в воспитании и образовании дочерей, внушки. Родительский комитет... Общественная работа в Костроме... Педагогическая деятельность в школе для взрослых и в Педиатрическом институте после революции. Её доблестный труд в период обороны Ленинграда, отмеченный медалями, которыми Любовь Карповна дорожила. Её волю к труду, к постоянному овладению новыми областями: стенографией, журнально-газетной работой, языками. Во время блокады она овладела английским. Её твёрдая направленность и бодрое строительство окружающей обстановки должны жить и развиваться в трудовой выдержке, в бодрой, не допускающей уныния и ослабления жизненной деятельности, в участии в общей общественной работе возвращённых ею молодых поколений... Но я не знал, уместно ли будет моё слово, и остался в подавленном молчании.

Вернулся на «Полоску». Но она показалась мне ненужной, пустой, и уйти от этого нельзя.

*16 июня.* Ранним утром — нет внутренних стимулов для работы в саду. Не могу заняться и за письменным столом. Как мельничные жернова в голове тяжело, непрерывно вращаются мысли, чувства, впечатления последних дней. Остановить их, прекратить работой невозможно. Дома меня охватил вчерашний ужас пустоты — бесповоротной, серой. А тут ещё — банально пошлые отношения между старшей и младшей дочерьми. Пытался забыть сном. Вышел в 8 часов вечера в сад, сажал, копал, поливал. Бессмысленно, бесцельно — до половины двенадцатого вечера. Принял ванну. Дрожание правой кисти и всей руки всё увеличивается.

19 июня. Ночью — непонятная для меня попытка Арсения Владимировича иметь какую-то «коренную» беседу о дальнейших перспективах «Полоски» и жизни на ней<sup>1</sup>. У меня — полное внутреннее опустошение, потеряна основная пружина внутреннего механизма. Жизнь продолжается автоматически, без осмысленного регулирования, без перспективной направленности. Получил письмо от сестры Жени о смерти Сергея Петровича<sup>2</sup>. Ужасно положение Маруси.

20 июня. Томительное прозябание. Возил тачкой шлак на дорожку, вскопал две грядки, засадил мелкий картофель. Целый день на «Полоске». Не хочется смотреть в расписание и в программу конференции Ленинградского института хирургического туберкулёза (ЛИХТа). Всё равно не пойду никуда. Всё серо, безразлично. Зиночка целый день провела на кладбище.

19 июля. Прозябание без угрызений. День, как и вчера, — без стержня.

Минают дни, минают ночи,  
Заснули думы. Сердце спить...  
Минае лито, шелестить  
И не знаю, чи я живу, чи доживаю,  
Поживле листье, гаснуть очи.  
Чи так на свити волочусь,  
Бо вже не плачу, не журюсь...

23 июля. 40 дней истекло со дня смерти Любви Карповны. Освоить это недоступно сознанию. Жизнь без направляющей пружины. Реальность — бессодержательной пустоты — окрашивает все часы и минуты.

В 5 часов отправился в Пушкин. Там вечером, гуляя в одиночестве у Нижнего пруда, я ощущал какую-то особую, единственную привязанность к этой природе.

24 июля. В 7 часов утра проводил Илика на вокзал. Потом — к Орловским воротам (страшно пострадала дубовая парковая аллея верховой езды). От Орловских ворот прошёл по парку с изумительными дубами до готических развалин («Чапель»), затем по дороге к беседке Большого Каприза, к Камероновой галерее. Геркулес и Флора стоят опять на месте. Особой красоты виды на Большой пруд. Со всею отчётливостью ещё раз почувствовал необходимость включения в систему большого парка всех прудов до Нижнего включительно и дворцов — Владимирского, Палея и др.

<sup>1</sup> Захарий Григорьевич не знал, что в «отместку за двоежёнство» и, опасаясь, что он поселит на «Полоске» Екатерину Ильиничну с сыном, Любовь Карповна ещё в марте 1946 нотариально оформила завещание, по которому «Полоска» должна была полностью перейти в собственность только Зинаиды Захаровны и Лидии Захаровны. Хотя младшая их сестра Валентина Захаровна, овдовевшая в 1943, после возвращения из эвакуации жила на «Полоске», но она была «отрезанный ломоть». В отличие от матери и сестёр она не осуждала отца и этим вызвала их враждебное к себе отношение. Пытаясь лишить Захария Григорьевича права на владение «Полоской», Любовь Карповна тем самым лишала жилья и Валентину Захаровну с сыном.

<sup>2</sup> Ладыгин Сергей Петрович — художник, изобретатель лампочки накаливания («лампочки Ладыгина»); зять Якова Григорьевича Френкеля, муж его дочери Марии (Маруси).

27 июля. Много работал на «Полоске» в саду и огороде.

Очень мучает меня необходимость преодолевать отвращение и говорить с Зиной о неправильности её действий помимо меня и без того, чтобы меня осведомить, с формальным закреплением дома за ней. Это претит мне и для меня совершенно и, безусловно, морально неприемлемо.

29 июля. Утром — в огороде, выкопал 1 кг картофеля, закончил про-ривку моркови, поливал посадки. Алёша<sup>1</sup> принёс мне от А. П. Омельченко купленную для меня книгу Нагорного<sup>2</sup>. Полная неспособность биолога Нагорного понять вопрос о «продлении жизни» в его реальном значении для населения страны в его историческом социально-экономическом значении с точки зрения не «клеточки», а общества, как развивающейся высшей организации, определяющей все условия и запросы к направлению жизнедеятельности составляющих его масс людей.

Целый день я был в полном плену у овладевшего мною желания оформить в память о Любви Карповне уголок у дорожки вдоль улицы, обсаживая его кустами роз и рудбекией.

Вечером читал Нагорного. Халтурщик, без внутреннего чувства научной и литературной добросовестности!

1 августа. Утром — в огороде: поливал, мотыжил, снимал горох, подкапывал картофель. Под гнётом внутренней пустоты, безволия, бессилия. Ликующий солнечный день! На небе ни облачка с утра и до вечера. А внутри у меня монотонно, серо, беззвучно.

6 августа. Был в нотариате. Непостижимая жестокость, несправедливость ко мне со стороны Зиночки. Сделаю всё, чтобы восстановить справедливость и правду — на пути, выбранном не мною. Впервые в жизни почувствовал осязаемо мучения старости...

7 августа. На «Полоске» меня гложет внутренний червь недоверия к своим «возможностям», ослабел. Сознание растущей изоляции (зрение слабеет, читать всё труднее, всё больше выявляется утомляемость).

10 августа. Мне кажется, во всей моей жизни у меня не было такого мучительного состояния. Утром — длительный разговор с Зиной, разговор, ничего не изменивший. Что бы и как бы ни происходило, она, как и Лёля, они обе — части моей собственной личности. Но я не могу быть в положении отданного на милость кого бы то ни было. Объективно — нет иного выхода, как обращаться к формальному восстановлению права, правды и справедливости<sup>3</sup>.

Днём пытался работать за письменным столом. После обеда по настоянию Лёли ездил с ней заказывать костюм на Невский. Дал Лёле нотариальную доверенность на ведение дела по владению домом на «Полоске». Затем навестил Лидиньку.

<sup>1</sup> Алексей Быстревский — младший сын Валентины Захаровны, внук Захария Григорьевича.

<sup>2</sup> Нагорный А. В. — физиолог, профессор, зав. кафедрой биохимии Харьковского университета.

<sup>3</sup> Захарий Григорьевич вынужден был обратиться в суд.

12 августа. Была на «Полоске» Татьяна Степановна. Сильно постарела. По-прежнему деятельна, по-прежнему — ценный общественный работник. Вечером был Мих. Юр. Магарил. Чистый душой. Добросовестный.

22 августа. Зиночка трогательно внимательна ко мне. Так хочется выразить ей признательность, добиться, чтобы она понимала, что при всех условиях, независимо ни от чего, моя привязанность к ней и чувство взаимосвязи неизменны и неколебимы. Но я не могу иначе действовать, как внешне, так и формально, я должен быть независимым, не опекаемым, я не могу не внести исправления в то, что ощущаю как несправедливость и неправду в отношении меня (с наследованием «Полоски»). По отношению ко мне хочу хоть частично того, что я в полной мере и, безусловно, выполняю нерушимо в отношении других.

Вечером были длительные, раздирающие мне душу разговоры Зиночки и Лидиньки со мною. Столько несправедливости, воспринимаемой мною как жестокость ко мне, со стороны Зиночки. С трудом занимался диссертацией Лукашевича. Вечером Зиночка, Арсений Владимирович и Наташа<sup>1</sup> уехали с «Полоски».

23 августа. Поздно вечером Шура привезла от Зиночки убийственное письмо. За что мне такое жестокое, свирепое горе?! Поздно ночью ещё более тяжкие разговоры с нею по телефону.

24 августа. Разговор с Зиночкой по телефону, а затем я поехал, чтобы встретиться с нею и идти по её просьбе с нею в наследственный отдел нотариата. Там, как на Голгофе, распинали меня такая заботливая, такая только обо мне пекущаяся родная дочь при моральной поддержке кроткой Лидиньки. Не выдержав, я ушёл, разбитый физически, изнемогающий, чтобы раздираться в одиночестве на «Полоске».

25 августа. Трудно мне. Стараюсь притупить отчаяние физическим трудом. Осмотрел выросший за годы советской власти Бабуринский сквер — с прудом, с бюстом Маркса, с огромными тенистыми тополями, дубами, липами. А 30 лет тому назад здесь была свалка.

В 5 часов — Нарсуд. Свидетели — Толя Бедункович (увы, теперь седой и лысый подполковник авиации Анатолий Георгиевич) и Андрей Григорьевич Подвысоцкий. Невыразимо больно. Вечером до 10 часов пробыл у меня Андрей Григорьевич. Ночь всю — приступы колики, от боли — грелки. Чувство безнадежной слабости и немощности.

30 августа. Утром отливал воду из борозд на поле орошения. Были у меня Магарил и Цеймах. Оба трогательно милые люди. По поручению кафедры: запинаясь и путаясь, М. Ю. Магарил сообщил, что кафедра хотела бы активно облегчить для меня всякие трудности. Но я и сам не знаю, — в чём и как.

9 сентября. Вместе с Борисом Ивановичем Карпенко и Лёлей был в Нарсуде с половины первого до 6 часов. Совершенно непонятная для меня озлобленность Зиночки против Лёли. Заявление написано с поражающим сутяжническим расчётом. И всё это мне приходится пережить. Горечь и омерзение оставляют в душе невыносимую боль.

<sup>1</sup> Наташа — дочь Арсения Владимировича и Зинаиды Захаровны Шнитниковых (по мужу Кузнецова).

Лёля добросовестно не понимает происходящего и так же, как и я, готова на какие угодно уступки. Ни мне, ни другим — ни одного дурного слова о старшей сестре, против неё, не говорит, но страдает, как и я, страшно<sup>1</sup>.

Всё неотступнее и явственнее в глубине моего сознания в 1948 г. звучала гложущая меня тревога: преследующее меня ощущение огромной массы невыполненных задач, стоящих передо мною. Число их, их размеры растут беспощадно, а успеть их выполнить уже для меня непосильно!

И другое горькое сознание всё чаще омрачало моё настроение: люди — наши близкие, друзья, с которыми мы чувствуем взаимное понимание, уважение и единство, — самая большая ценность из всех доступных человеку ценностей жизни, и этой ценности теперь с каждым годом остаётся у меня всё меньше. Одни уходят из жизни, в отношениях с другими ослабевают, стираются нити тесной внутренней взаимопринадлежности, а новых, свежих за десяток последних лет уже не образуется. Это самый трагический в моём сознании итог истекшего 1948 г.

1949 г. начался для меня упорно державшимся общим недомоганием, а затем сильными болями в области сердца. Благодаря заботам А. Я. Гуткина меня навещал несколько раз специалист по болезням сердца из 2-го Медицинского института доцент Б. М. Шерешевский. По его мнению, для обеспечения клинического ухода и надлежащего режима меня необходимо было госпитализировать. Я предпочёл остаться дома, подчинившись на некоторое время требованию постельного содержания. Принимал назначенный мне курс диуретического лечения. В течение почти трёх недель я пользовался неусыпным уходом Лёли, остававшейся при мне неотлучно во время повторных сильных стенокардических болей.

Однако уже в конце января я должен был возобновить чтение лекций. По распоряжению Министерства, в ленинградском ГИДУВе был организован с конца января специальный курс лекций для руководителей кафедр биологии в медицинских институтах — с учётом мичуринского и павловского учения. Мною был прочитан ряд лекций о профилактическом направлении советского здравоохранения и об основном содержании гигиены — как науки о формировании внешней среды в интересах здоровья населения. Ввиду того, что я ещё не вполне оправился от болезни, дирекция каждый раз присылала за мной машину. С волнением узнал я во время моей болезни о смерти одного из наиболее деятельных членов правления ленинградского отделения Гигиенического общества, единственного представителя в правлении с инженерной компетенцией — Константина Павловича Коврова. Выше я много раз упоминал о его самоотверженном труде по руководству работой водопроводной станции Ленинграда. При этом он проявлял находчивость и инициативу, чтобы справиться в условиях послереволюционной разрухи с непреодолимыми, казалось, трудностями при проведении ремонта машин, в поддержании дисциплины труда при недостатке продовольствия для рабочих и т. д. Чтобы быть в курсе новейших достижений в

---

<sup>1</sup> Суд признал, что завещание Любови Карповны было составлено с нарушением закона и расторг его, признав за Захаром Григорьевичем право собственности на дом и имущество.

водопроводном деле, он тщательно изучал нашу и зарубежную санитарно-техническую литературу и знакомился с передовым опытом на практике во время командировок в Лондон и другие города. Вероятно в связи с этим он, как и многие другие ведущие инженеры в начале 30-х гг. попал в тяжёлую полосу подозрений и репрессий. Несколько лет он был оторван от Ленинграда. Но, как только ему разрешили вернуться, он вновь весь отдался делу коренного улучшения водоснабжения в Ленинграде, заняв место главного инженера «зоны водоохраны» городских водопроводов. В то же время он серьёзно был занят теоретическими работами по испытанию улучшений в очистке питьевых вод.

Я уважал и любил Константина Павловича не только за его преданность практическому делу и за его всегдашний интерес к науке, но и за его личные качества отзывчивого, благожелательного общественного работника, всегда готового прийти на помощь не на словах, а на деле.

Здоровье Константина Павловича сильно подорвалось ещё в голодные 1919–1922 гг. Тогда после целого дня инженерной работы он по вечерам до поздней ночи играл в духовом оркестре, за что получал натурой некоторые продукты питания. В результате он нажил себе эмфизему лёгких, которой страдал все последующие годы. Его смерть в начале 1950 г. была для меня неожиданной.

Директору Санитарно-гигиенического мединститута (бывшего 2-го Ленинградского мединститута) Д. А. Жданову пришла мысль устроить музей или постоянную выставку здравоохранения и гигиены для того, чтобы поднять интерес у студентов и облегчить им усвоение сущности профилактического направления советского здравоохранения и содержания всех разделов гигиены. Общий план и программу музея Д. А. Жданов поручил составить мне. Задача эта была нелёгкая, т. к. на небольшой площади нужно было расположить обширный по содержанию материал. Когда в конце концов программа и план работы по устройству музея были согласованы, вдруг оказалось, что заказывать необходимые экспонаты, модели, макеты или приборы отдельным мастерам нельзя и что всё оформление должно было заказываться в специальной художественной организации, что требовало затрат в несколько тысяч рублей. Я указывал, что весь проект уже у нас есть и ни одной копейки на это нам затрачивать не нужно. Оказалось, что в этом случае мы не сможем заказывать экспонаты. Считая такие явно излишние затраты средств неоправданными, я отказался участвовать в устройстве музея. Дирекция возложила всё дело сношений с художественными организациями на энергичного молодого ассистента М. Ю. Магарила. По моей просьбе он был командирован в Москву для ознакомления с порядком устройства и оборудования Музея гигиены 1-го Московского мединститута. С большой энергией и затратой героических усилий на преодоление трудностей, создаваемых художественной организацией, он в течение почти двух лет работал над созданием Гигиенического музея.

В связи с подготовкой экспонатов для этого музея решено было заказать скульптурному отделению Академии художеств бюст Ф. Ф. Эрисмана. Ко мне обратился скульптор, которому был передан этот заказ, с просьбой предоставить ему на время портреты Фёдора Фёдоровича. Я передал ему

имевшийся на кафедре довольно удачный портрет учёного и три фотоснимка разных периодов. Начав работать, скульптор несколько раз заходил ко мне на кафедру, просил у меня биографический очерк Эрисмана и воспоминания о нём. Затем он просил меня побывать у него в мастерской, чтобы сделать замечания о первом выполненном варианте слепка. Но потом на долгое время перестали поступать сведения о ходе его работы. Только спустя месяц или два я получил приглашение посетить мастерскую художника и дать письменный отзыв, насколько удовлетворительным может быть признан слепок, сделанный скульптором Рабиновичем. В той же убогой мастерской над прежним слепком теперь работала молодая женщина. Много раз после моих замечаний она переделывала слепок, пока, наконец, строгое лицо сухого немецкого профессора не озарилось доброжелательным выражением Фёдора Фёдоровича Эрисмана.

Женщина оказалась женой Рабиновича. Год тому назад он вернулся из ссылки после 1938 г., но без права жительства в Ленинграде. Поселившись в Луге, он возобновил свою работу скульптора в Академии художеств, наезжая время от времени в Ленинград. Но совершенно неожиданно его опять арестовали. Оставшись без всяких средств, с детьми, она сама, ещё очень молодой скульптор, взялась завершить работу мужа. Спустя месяца два экспертная скульптурная группа апробировала работу Рабиновича, и бюст Эрисмана по слепку был отлит в гипсе в нескольких экземплярах для ряда гигиенических кафедр и институтов в Ленинграде.

Очень много огорчений и волнений было внесено в мою жизнь в 1949 г. длительной болезнью Лёли. Ряд симптомов заставлял предполагать наличие у неё туберкулёзного процесса. По моей просьбе больную несколько раз навещал проф. М. Д. Тушинский, занимавший в то время должность главного терапевта города. Для окончательного определения диагноза он настоятельно советовал поместить Лёлю в клинику. Я имел возможность ознакомиться с фактическими условиями и обстановкой пребывания в этой клинике. Как далека была эта обстановка от бережного отношения к больному человеку! После нескольких месяцев лечения в стационаре Лёля вернулась домой в том же состоянии, в каком туда поступила. Пока она лежала сначала в клинике проф. М. Д. Тушинского, а затем — проф. М. В. Черноруцкого, я каждый день, либо через день бывал у больной и видел весь склад жизни, весь процесс «клинического пользования больных», познавая его своими глазами и глазами самих больных.

В центре внимания клинических работников и курируемых студентов находилась лишь болезнь, её диагностика. Больной, как целостная личность, в конечном счёте, определяющая самую жизнь, не стоял на первом плане. Более того, всё внимание сосредоточивалось не на лечении, не на улучшении здоровья, а лишь на изучении и распознавании болезненных симптомов. Это в принципе не может не сказываться на отношении к больным подготавливающимся в клиниках новых поколений врачей. Я был бесконечно признателен М. Д. Тушинскому за его исключительную отзывчивость, за его активное стремление оказать помощь в чужой беде. Он был сердечным, хорошим человеком, но при всей его сердечности и преданности клинической медицине, он не прокладывал новых путей и не стоял на

позиции С. П. Боткина по отношению к целостному человеку, всегда связанному в нераздельное единство. Клиническая действительность в больнице Эрисмана не вызывала у меня, да и не могла вызвать большого удовлетворения.

В течение мая и июня 1949 г., как и в предыдущие годы, я выполнял обязанности председателя государственной экзаменационной выпускной комиссии в Санитарно-гигиеническом мединституте (2-м ЛМИ). Я открывал каждое заседание госкомиссии и по многу часов присутствовал на самом экзамене. Благодаря участию во всех экзаменах у меня складывалось впечатление, что, невзирая на специальный санитарно-гигиенический профиль института, подготовка и знания студентов по клиническим предметам были несравненно более прочными и глубокими, чем по любому из санитарно-гигиенических предметов. В этом сказывался результат неизбежной самостоятельной практической работы в клиниках при курировании больных и отсутствие такой необходимой самостоятельной практической санитарной работы при прохождении гигиенических дисциплин. Поэтому нередко я испытывал мучительные колебания: совместимы ли ответы экзаменуемого с возможностью присвоить ему звание врача. Вспоминаю случай, когда, наоборот, пришлось отстаивать отвечавшую на экзамене от несправедливого решения. Отвечала очень робкая и смущающаяся, но достаточно знающая студентка. Во время её ответа вошёл и занял место среди членов экзаменационной комиссии директор института Д. А. Жданов. Смущение оробевшей выпускницы он принял за незнание и высказал по её адресу неодобрение. Когда после окончания экзамена члены комиссии согласовывали свои отметки, директор категорически потребовал, чтобы ей был поставлен неуд. Тщетно указывая я на некоторое замешательство и временную заторможенность отвечавшей, директор в тоне властного решения настаивал на своём. Я вынужден был обратить внимание на обязательность соблюдения правила о работе Государственной экзаменационной комиссии и поставил вопрос на формальное решение ею вопроса. Все три члена комиссии высказались против решения директора. С явным неудовольствием Д. А. ушёл.

Вслед за последним госэкзаменом я без проволочки, как обычно, составил обстоятельный отчёт о деятельности госкомиссии и высказал в нём ряд предложений о необходимости введения практической санитарно-гигиенической работы студентов в учреждениях Горздрава и обязательно в санитарно-эпидемиологической станции. На следующий день после окончания госэкзаменов в Доме культуры был торжественный вечер выпускников. Мне нельзя было уклониться от присутствия на нём. Открылся вечер речью директора. Речь была построена очень умно. Слушая эту хорошо построенную речь, я не мог постигнуть, как уживается с природной одарённостью и умом у директора примитивная бюрократическая ограниченность и самоуверенность. Совсем неподвижно для меня первое слово после вступительной речи директора было предоставлено мне. Студенчество, по-видимому, из-за титулов и званий, шумно приветствовали моё выступление. Я говорил как старший по возрасту, обращаясь к более молодому, вступающему в строй новому пополнению врачебно-санитарной рати. Нужно по

окончании образования продолжать учиться, но учиться не только из книг и от других, а учиться на собственном опыте, из раскрытой книги жизни, у самой практики.

Во время перерыва я незаметно ушёл, чтобы ехать в Пушкин. Была чудесная белая ночь. Волшебная красота Невы при переезде через мост, а в Пушкине — в густых аллеях полная очарования заснувшая красота природы. Всё прозрачно вокруг, всё таинственно безмолвно, загадочно, настороженно. Задумчивая тишина.

В конце июня, в период наибольшей занятости моей в Госкомиссии, мне пришлось оторваться на два дня для участия в Москве в расширенных заседаниях правления Всесоюзного гигиенического общества. Мне предложено было сделать доклад в связи с 25-летием работы Ленинградского отделения этого общества. Ленинградское отделение является старейшим из всех отделений ВГО. В течение всех 25 лет его существования я неизменно переизбирался председателем общества. В своём очерке о работе ЛОГО в советский период, затем напечатанном в журнале «Гигиена и санитария», я подробно показал, что Ленинградское отделение явилось фактически продолжением Русского общества охранения народного здоровья, учреждённого ещё в 1878 г. Фактическая справка моя относительно личного состава членов-учредителей ЛОГО, его секций и программы вызвала резкое замечание председательствовавшего В. А. Рязанова<sup>1</sup>, заявившего, что гигиенические общества советского периода ничего общего не могут иметь с гигиеническими обществами дореволюционного буржуазного Петербурга. Тогда, в 1949 г., о преемственности современной научной деятельности с деятельностью передовых демократических сил дореволюционного периода говорить не полагалось. В своём заключительном слове я сделал надлежащую отповедь выступлению Рязанова.

Приятны мне воспоминания о посещении в мае-июне того же 1949 г. очень заинтересовавшего меня учебного учреждения для специальной подготовки и расширения образования председателей колхозов. Учреждение это было организовано по постановлению Леноблисполкома в Пушкине, в бывшем дворце Кочубея. Я охотно прочитал в нём сжатый курс общего благоустройства колхозного села или, точнее, планировки сельских населённых мест, санитарной мелиорации и оздоровления их территории, организации водоснабжения и обезвреживания путём правильного компостирования и использования для удобрения отбросов. На меня чрезвычайно ободряющее впечатление произвёл живой, активный интерес слушателей ко всем вопросам практического разрешения санитарно-оздоровительных задач в современных условиях сельского быта. Обилие и характер вопросов и замечаний, поступающих из многолюдной аудитории, говорили о том, что сообщаемые сведения и передаваемые знания не останутся мёртвым балластом. Мои беседы проводились в поздние вечерние часы, предназна-

<sup>1</sup> Рязанов Владимир Александрович (1903–1968) — в 1945–1952 зам. министра здравоохранения и главный санитарный инспектор РСФСР; с 1962 — директор Института общей и коммунальной гигиены им. Сысина АМН СССР, академик АМН, возглавлял Всероссийское общество гигиенистов и санитарных врачей.

ченные для культурного отдыха. Нужно считать существенным пробелом в программах и учебных планах учебных учреждений для подготовки специалистов, работающих в сельской местности, отсутствие в них курсов общего и санитарного благоустройства сельских населённых мест и жилищ.

Относительно короткий летний перерыв (конец июля и половина августа) в 1949 г. был использован мною для далёких поездок и экскурсий. В Лесном на «Полоске» шёл в течение этого времени большой ремонт всех помещений, который больше уже невозможно было откладывать в связи с разрушениями и полным отсутствием ремонта в период блокады и войны. Отказавшись от далёких летних экскурсий, я выполнил несколько давно уже задуманных мною осмотров в Ленинграде и его окрестностях.

С большим интересом я ещё раз осмотрел работы по сооружению щитовым способом главного перехватывающего канала в тоннеле вдоль правого берега Фонтанки для спуска в него канализационных вод общесплавной канализации центрального района Ленинграда. Щитовая прокладка там, где это нужно было по характеру грунтов (пльвуны), велась с предварительным замораживанием грунтов.

Два раза в течение лета я вместе с А. Г. Малиенко-Подвысоцким и группой санитарных врачей и работников Управления парков и дворцов осматривал вышедшие из строя сооружения самотечного Таицкого водовода, сооружённого почти два века тому назад для питания всей системы прудов и гидротехнических сооружений Пушкинских парков. Район Таицких ключей и значительную часть трассы Таицкого водовода в его тоннельной части и в районе открытых водоводов Баболовского парка мы обходили пешком. Между прочим, с большим сожалением я смотрел на замечательное творение гениального искусства — великолепный бассейн, выдолбленный из одного цельного колоссального гранитного массива, заброшенный в развалинах Баболовского дворца, куда очень редко могут добираться случайные единичные туристы. Почему бы не перевести этот замечательный, совершенно исключительный по своим размерам памятник гранитного искусства для украшения современных физкультурных сооружений Ленинграда. В своё время, два века тому назад, этот гранит был привезен из Финляндии.

Упомяну ещё о поездке в Мельничные ручьи и Всеволожское, где я знакомился с условиями дачного строительства и благоустройства, вернее, конечно, неблагоустройства посёлка. С большим интересом осмотрел я фруктовый сад единоличника, любителя-предпринимателя. Сильно плодоносящие сорта вишен (вывезенные из Казанской области) и яблони с необычайным урожаем. Удобряет — суперфосфатом. Самодельный водопровод для полива фруктовых деревьев и ягодника. Такой же «доходный» сад и ягодник осмотрел я также в Лесном (Калачёва).

Нелегко перенёс я сделанное мне по телефону директором 2-го ЛМИ Д. А. Ждановым сообщение о назначении вместо меня заведующим кафедрой организации здравоохранения (социальной гигиены) Б. С. Сигала ввиду недопустимости совмещения заведования кафедрой в ЛМИ с должностью профессора в Институте для усовершенствования врачей (ГИДУВ). А в организацию кафедры социальной гигиены и организации здравоохранения во 2-м ЛМИ мною было вложено много труда и сил. Более 30 лет

я развивал кафедру, обогащал её показательными материалами и держал на высоком уровне, одновременно оставаясь профессором в ГИДУВе. Мне было тяжело видеть нарастающее свёртывание моей жизненной деятельности. День спустя после телефонного сообщения директора мне позвонил Б. С. Сигал. Желая по поговорке «и невинность соблюсти», он, говоря о предложении ему занять вместо меня кафедру, заявлял: «Поступлю, как Вы скажете». Я мог на это ответить, разумеется, только одно: «Поступать нужно не по моей указке, а как сам считаешь правильным».

1951 год был вторым годом девятого десятка лет моей жизни, и в то же время — вторым годом, когда вся моя профессорско-преподавательская работа ограничивалась только кафедрой коммунальной гигиены в ГИДУВе. До меня постоянно доходили волновавшие меня вести о развале после моего ухода из Ленинградского санитарно-гигиенического мединститута той кафедры организации здравоохранения (социальной гигиены и санитарной статистики), которую, камень за камнем, я строил в самые трудные годы (1920–1930) в Государственном институте медицинских знаний (ГИМЗе) и поддерживал на достигнутом уровне при всех испытаниях и превратностях судьбы, которым подвергался 2-й Ленинградский мединститут позднее, вплоть до осени 1949 г.

В 1950 и в 1951 г. лекционная работа моя в Институте для усовершенствования врачей расширилась за счёт специальных циклов санитарных врачей по охране атмосферного воздуха в городах, по охране водоёмов и по водоснабжению, а также врачей — руководителей санитарно-эпидемических станций. Кроме того, в 1951 г. я читал специальный курс лекций по санитарному оборудованию и устройству учреждений для душевнобольных на цикле врачей-психиатров. Благоустройство помещений психиатрических учреждений само по себе имеет значение, как лечебная мера в системе всего комплекса воздействий на самочувствие, выздоровление и поведение душевнобольных. Постоянно занятый мыслью о предстоящих лекциях, я, возвратившись домой, спешил навести необходимые справки в разных изданиях, составить таблицы, схемы, вновь и вновь прочитывал имеющиеся материалы и продумывал построение будущих лекций. Эта работа настолько заполняла моё время, что мало-помалу были совсем отодвинуты планы о намеченных ранее больших работах.

Меня серьёзно беспокоила мысль о том, что я совсем забросил все начатые в разное время такие большие работы по обобщению итогов развития общественно-санитарного дела в период 1864–1917 гг., как «От приказной медицины до земской и от общественной медицины до советского здравоохранения» и «Система местного благоустройства». Неужели всё, на что уже было затрачено мною столько труда, проникнутого сознанием важности моего понимания организации самодеятельности, обращенной на непосредственно окружающие местные условия и нужды, неужели все эти мои работы и мысли должны рассматриваться как ненужный хлам, не имеющих никаких шансов на использование, не стоящий завершения? «У меня иссякает вера, что я сам ещё найду время и силы, чтобы взяться вновь за эти работы, продвинуть их. И никого нет вокруг, кто бы понимал эти замыслы, кому эти начатые работы и их продвижение были бы жиз-

ненно нужны”, — эти строки я нахожу в моих ежедневных записях в начале февраля 1951 г.

Я непременно добросовестно готовился к лекциям, хотя всегда выступал только на такие темы, которыми много лет всесторонне занимался. От Общества по распространению научных и политических знаний я выступал в лектории Горкома на Литейном проспекте, в большом зале Военно-санитарного музея, а также в Доме офицеров. При этом я никогда не читал лекций по заранее написанному тексту. Продумав тщательно план выступления и подготовив все необходимые материалы, я подробно намечал для себя всю последовательность и аргументацию. И всякий раз ставил себе непременным условием настолько овладеть темой, чтобы затем свободно, никогда не прибегая во время лекции к справкам и конспектам, излагать тему, отдаваясь ходу мысли. Только при этом условии лекция может оставаться продуктом непосредственного живого мыслительного процесса и вызывать в аудитории ответную работу мысли, порождающей вопросы и поддерживающей интерес и внимание. При этом совершенно исключается монотонность изложения.

В январе 1951 г. я выезжал в Москву, чтобы выступить в качестве официального оппонента на защите Н. Н. Литвиновым докторской диссертации в АМН. В своей работе он давал санитарно-гигиеническое обоснование новой планировки Сталинграда при его послевоенном восстановлении. Изучение положенных в основу диссертации материалов вызвало у меня сомнение в правильности выдвинутого автором положения о необходимости объединения всех населённых территорий вдоль Волги — от тракторного завода и рабочего посёлка при нём до Красноармейска и новых посёлков, возникших в связи со строительством головной части Волго-Донского канала, — в один город протяжённостью более 50 км. Меня не удовлетворяла организация самой защиты докторской диссертации в АМН. Я пытался придать своему выступлению характер диспута, другие же официальные оппоненты, особенно проф. Н. К. Игнатов<sup>1</sup>, ограничились скучным прочтением напечатанного на машинке своего предварительного отзыва, как это в большинстве случаев вошло в практику в послевоенные годы. Защиты в АМН проходили не в открытом заседании Отделения гигиены, а перед специальной квалификационной комиссией с узким кругом участников, очень, кстати, неаккуратно являющихся на такие мероприятия. Постановление комиссии АМН теряет в авторитетности, так как в обычном канцелярском порядке идёт на утверждение в чисто бюрократическую инстанцию — ВАК. Совершенно очевидна нелепость такого порядка, когда защита и постановление самого высшего по своей научной компетенции в данной отрасли знаний учреждения, каким является АМН, проверяется ВАКом на основании случайного заключения его рецензента.

Интересной для меня оказалась поездка в апреле 1951 г. в Петрозаводск. После того, как этот город стал столицей союзной Карело-Финской республики, в нём развернулось широкое строительство. Моя поездка была вызва-

---

<sup>1</sup> Игнатов Н. К. — ученик Эрисмана, профессор кафедры общей гигиены 1-го Московского медицинского института.

на просьбой карело-финского министерства здравоохранения к ГИДУВу о командировании гигиенистов и эпидемиологов для участия в республиканском съезде врачей по развёртыванию сети санитарно-эпидемических станций и по организации компетентного санитарного руководства планировкой и жилищно-коммунальным строительством. В ранние утренние часы, до начала заседаний, каждый день я часа три-четыре (с 6 до 10 часов) пешком обходил не только центральные, но и окраинные улицы. Прежде всего, обращала на себя внимание разбросанность нового строительства по обширной территории города. Оно велось не комплексно, не целыми жилмассивами и кварталами, а отдельными зданиями на разных улицах, не имеющих канализации, без предварительной инженерной подготовки и санитарной мелиорации территории.

Помимо участия во всех заседаниях съезда и в совещаниях с руководящими работниками республиканского Минздрава, в свободные часы я прочитал цикл лекций по коммунальной гигиене и общему благоустройству населённых мест. Благодаря моим утренним обходам города я имел возможность широко пользоваться конкретными местными примерами для освещения неправильных приёмов планировки и застройки, для показа вредных в санитарном отношении последствий нарушений в подготовке территории для последующего строительства. Особенно разительный пример пренебрежения к требованиям предварительной подготовки территории предстал передо мною при осмотре завода по массовому изготовлению разборных домов. Дорога к этому крупнейшему предприятию, въезд в него, заводской двор буквально утопали в грязи из-за того, что не были своевременно выполнены работы по водоотведению. Несколько жилых домов были собраны для временного размещения рабочих и служащих, и дома эти поставлены были на заболоченной территории. Все такие недочёты могли бы быть предупреждены деятельностью предупредительного санитарного надзора при лучшей подготовке санитарных врачей. Значительная часть этих врачей состояла из молодёжи, преимущественно из женщин. Они проявляли большую активность и остро выступали, изобличая бюрократизм, неотзывчивость и самоуспокоенность работников республиканского Минздрава и самого министра.

Однако я должен был торопиться вернуться в Ленинград, чтобы успеть подготовиться к отъезду на сессию Академии медицинских наук, которая была назначена на 20–24 апреля в Сталинграде со специальной программой: «Вопросы медико-санитарного обслуживания великих строек коммунизма». В Сталинграде в это время велись не только исключительно крупные по размерам и размаху работы послевоенного восстановления самого города и его промышленных предприятий, но он в то же время был средоточием мощных организаций по строительству Волго-Донского канала и по развёртыванию сооружений Сталинградской ГЭС. Сессия и была назначена не в Москве, а в Сталинграде для того, чтобы в обсуждении докладов могли принять участие работники местных санитарных и противоэпидемических учреждений. Я решил ехать на сессию, надеясь воспользоваться случаем, и ознакомиться непосредственно с великими стройками и с работами по восстановлению Сталинграда.

Поезд пришёл в Сталинград рано утром. Я зашёл в справочное бюро узнать, где происходят заседания сессии АМН или где можно об этом узнать. Мне сказали, что на вокзале никаких сведений о сессии АМН нет, посоветовали пойти в город и там узнать в справочной службе или в гостинице. С чемоданом в руках я отправился в указанном направлении. Но ни в городском бюро для справок, ни на стройках о сессии АМН ничего не было известно. Тогда я прибег к испытанному моему старому приёму — я обратился к группе игравших на улице детей. У них завязалась дискуссия: одни советовали повернуть обратно, двое других предложили идти с ними и, обогнув несколько строек, подвели меня к какой-то вполне отстроенной и обитаемой гостинице. В вестибюле я увидел группы членов АМН и узнал от них, что заседания сессии начались накануне, в субботу, и продолжатся в понедельник, а воскресенье оставлено для осмотра строек. Одни поплывут на пароходе, другие поедут на автобусах, нужно спешно решить, к какой группе примкнуть. Но мне, прежде всего, нужно было где-то оставить чемодан и переодеться, так как, хотя был ещё апрель, в Сталинграде было невыносимо жарко. С этим вопросом удалось покончить быстро. Я получил место в одной из комнат отведённого для членов АМН общежития, на ходу выпил там же чашку кофе и, возвратясь в вестибюль, встретил там П. К. Агеева, который предложил мне не примыкать ни к одной из экскурсионных групп, а воспользоваться любезностью главного инженера гидростроительства и поехать с ним на его машине, чтобы в один день осмотреть и строительство Волго-Донского канала с посёлками для рабочих, вспомогательными арматурными и бетонными заводами, и строительство Волжского узла канала, а затем ознакомиться со строительством ГЭС и беголо осмотреть основные районы, предприятия, сооружения восстанавливаемого Сталинграда. Не колеблясь ни минуты, я с благодарностью принял представившуюся мне возможность — целый день, с 10 часов утра до 10 часов вечера, провести в осмотрах с наиболее сведущим руководителем.

Проезжая по Сталинграду, мы видели работы по очистке территории города от развалин домов и нагромождений обломков зданий, разрытых мостовых и совершенно разрушенных целых кварталов и улиц. Повсюду полным ходом шли работы по очистке территории от развалин и по подготовке котлованов для возводимых новых зданий. Об этом говорили десятки самосвалов, вереницы грузовиков, стрелы экскаваторов и подъемных кранов, но нигде не бросалось в глаза скопление землекопов и чернорабочих. Технику и машины обслуживали единичные рабочие. В центре города на уже освобождённых от развалин площадях и частях улиц было возведено в разных местах немало крупных 5–6-этажных зданий. В одном месте уже был разбит новый бульвар и городской сад, радовавший глаз молодой весёлой зеленью.

Мы выехали из города на широкую, уже законченную постройкой прямую асфальтобетонную дорогу и на протяжении более десятка километров ехали по голой песчаной степи, а затем так же долго ехали по Красноармейску, необъятному по протяжённости пригороду, застроенному одноэтажными хибарками. По существу, это соседний со Сталинградом степной город. В планировочном отношении он может трактоваться как отдельный город, поскольку пространственно оторван от Сталинграда.

В Красноармейске работали крупные подсобные предприятия строительства Волго-Донского канала: крупный завод по изготовлению металлических конструкций и арматуры и механизированные бетонные заводы. Свежеизготовленный на них бетон подавался по трубам на строительство Волжской лестницы шлюзов. Мы подробно осмотрели работы на первом шлюзе, где заполнялись бетоном уже готовые каркасы шлюзовых камер. Сооружения эти производили сильнейшее впечатление своими колоссальными размерами. Сразу было видно, что только благодаря далеко шагнувшей механизации работ стала осуществимой мечта о таких гигантских сооружениях, как Волго-Донской канал. Благодаря тому, что мы ехали с главным инженером строительства, нас пропускали через проволочные заграждения к местам работ и в посёлки, где размещались заключённые, работавшие на строительстве канала. Они составляли более четырёх пятых (80 %) всего состава рабочих. За проволочными заграждениями они ничем не отличались от остальных работающих, так же свободно передвигались и подчинялись общим распоряжкам строительства, только не могли выходить за пределы проволочного заграждения. Когда мы подъезжали к входу в ограждённое пространство, у нас всякий раз проверялись документы, то же происходило и при выходе из «зоны».

Вполне рациональным и целесообразным на строительстве канала было использование для размещения строителей домов и посёлков, которые предназначались для будущих служащих и рабочих, которым предстояло эксплуатировать шлюзы и обслуживать канал. Посёлки имели свой водопровод и канализацию и вообще были благоустроены. Отстроены были также здания для больнично-поликлинического обслуживания. В течение нескольких часов мы успели осмотреть работы на строительстве трёх шлюзов и нескольких посёлков и отдельных домов для рабочих. Затем мы проехали несколько десятков километров по новой асфальтобетонной дороге, сооружённой параллельно строившемуся каналу. На всём её протяжении работали грейдеры, бульдозеры и экскаваторы по подготовке трассы канала и созданию его русла.

В течение нескольких часов мы наблюдали за работой огромного шагающего экскаватора. Это по существу целое заводское автоматически передвигающееся и автоматизированное в управлении сооружение, обслуживаемое всего восемью или десятью лицами технического персонала, а своей работой этот экскаватор заменяет полторы тысячи рабочих. Его более чем 70-метровая стрела непрерывно подымала ковш с 14 т грунта и отводила его за сотню метров. Здесь, у экскаватора, мы встретились с прибывшей экскурсией членов АМН, выехавшей раньше нас на автобусах. Было здесь целое скопление и других экскурсий. Но ведь и, действительно, было что смотреть и чем восхищаться! Вновь и вновь хотелось, не отрывая глаз, наблюдать, как вгрызается в грунт спущенный с конца стрелы ковш величиной с вагонетку; как, захватив почти тысячу пудов грунта, вагонетка описывает в воздухе большую дугу, высыпает на гребне вала свой груз и вновь возвращается и вгрызается в землю в точности в том месте, где нужно. Мы побывали внутри шагающего экскаватора, наблюдали его автоматическое «шагание» и не поехали дальше по трассе будущего канала до

Цимлянского моря и каскада шлюзов на Дону, а вернулись обратно к Красноармейску, проехали через весь Сталинград, осмотрели восстановленный и уже работавший полным ходом завод «Баррикада». По пути мы останавливались лишь на минуту, чтобы отдать дань благоговейного почитания и преклонения перед памятниками сверхчеловеческого героизма, выносливости, стойкости, решимости и мужества тех, кто ценою жизни положил здесь предел продвижению гитлеровской чумы и обеспечил начало победоносному нашему наступлению на запад, вплоть до Берлина.

С радостью увидел я восстановленный тракторный завод. Жилищный район подле него выглядел уже вполне благоустроенным. По примыкающим к Волге луговым просторам мы проехали несколько километров и осмотрели с относительно высокого берега реки обширную правобережную территорию, отведённую для строительства Сталинградской гидростанции. С. Р. Медведев<sup>1</sup> показал на чертеже и в натуре предполагаемый план всего необъятно большого строительства, а также подсобные сооружения (бетонный завод и пр.), к созданию которых только ещё начали приступать. Ни тени сомнения или колебаний в том, что, невзирая на огромность и сложность сооружения, оно будет выполнено в срок, как и Волго-Донской канал, как и ещё более грандиозное строительство Куйбышевской гидростанции, — так же, как был восстановлен Днепрогэс, как был построен канал имени Москвы и осуществлено, даже ещё при недостаточной (в 1931–33 гг.) механизации работ, сооружение Балтийско-Беломорского канала. Это настроение строительного дерзания, подъём и воодушевление явственно сквозили у всех строителей, как и у руководящего инженера. Нельзя было не ощущать этого настроения, глядя на беспредельный простор Волги, которая здесь, в этом месте, будет перегорожена по воле и сознательному замыслу человека для использования всей энергии, всей мощи этой реки.

Был уже поздний вечер, когда мы проезжали по разрушенным и восстанавливаемым кварталам Сталинграда. На освобождённых от руин кварталах в разных местах светились входы в световые проёмы подвальных помещений, в которых пока ещё жили вернувшиеся в свой город сталинградцы.

На следующий день, с 6 часов утра до 9 часов, до начала утренних работ сессии я подробно осматривал идущие полным ходом работы по восстановлению города. Почти законченный вид имели Волжские набережные с главным и рядом других спусков к реке. Набережная построена в два яруса: нижние просторные набережные с асфальтированным замощением, с причалами для судов, пологими, ведущими к пристаням и речным вокзам лестницами и подъездами отделялись зелёными полосами с посадками от главной набережной, протянувшейся на много километров по верхней речной террасе высоко над Волгой. На её возведение не пожалели средств и нужно сказать, что набережная эта производит очень сильное впечатление. Залитая солнцем волжская ширь простирается до самого горизонта. Одета в твёрдый бетон и камень, с примыкающими к ней монументаль-

---

<sup>1</sup> Медведев С. Р. — в описываемое время главный инженер Сталинградгидростроя.

ными зданиями, среди которых выдаётся вполне восстановленное огромное здание городского театра с передней и боковыми террасами. По своим размерам и оборудованию эта новая Сталинградская набережная не имела в тот момент равных себе ни в каком другом городе. Чудесная Волжская набережная в Ярославле, Муравьёвка в Костроме, величавая набережная в Горьком, Днепровская набережная в Киеве, как и набережные Рейна в Кёльне невольно всплывали в памяти, когда я гулял из конца в конец по просторной верхней набережной Сталинграда, но все они были небольшими по сравнению с этой новой набережной, протянувшейся на много километров.

Большие работы шли по устройству крупного приволжского парка, подходившего к новой набережной. С прогулки вдоль этой набережной я начинал и все последующие дни моего пребывания в Сталинграде. Детальное ознакомление с подлинно великими работами по восстановлению города оставило у меня впечатление, что основной идеей этих работ является достижение монументальности. Вопросы организации внутриквартального благоустройства, скорейшего создания наибольших удобств в жилых районах города, обеспечение всего населения всесторонне обслуженными жилищами, — все эти вопросы, к сожалению, не были в центре внимания, не выступали на первый план.

На Сталинградской сессии АМН было уделено много внимания вопросам организации медико-санитарного обслуживания великих новостроек и постановке научных санитарно-гигиенических и физиологических исследований на них. Некоторые физиологи выдвинули более широкий теоретический вопрос — об акклиматизации к условиям в южных районах СССР (доклады профессоров М. Б. Маршака<sup>1</sup> и В. Ф. Широкого<sup>2</sup>). В ходе обсуждения я посчитал необходимым выступить, чтобы оттенить, что на новостройках в южных районах для защиты от тяжёлых климатических воздействий следует использовать все научные и технические достижения для создания адекватной среды для человека (ограждения от солнечного облучения в жилищах и местах труда, устройство тентов, душа, перерывы в работе и пр.). Краткую запись моего выступления см. в офиц. издании «Труды сессии 1951 г.» (С. 150). Высказанные мною в выступлении взгляды поддержала заведующая кафедрой гигиены в Сталинградском мединституте — Е. М. Деларю<sup>3</sup>.

В Сталинграде я познакомился с замечательным энтузиастом борьбы с одряхлением и болезнями при старении — Василием Ивановичем Орловым, настойчивым проповедником специально разрабатываемой им системы укрепления здоровья и продления жизни. Он обратился в Президиум АМН во время сессии с просьбой ознакомиться и дать отзыв об эффективности

<sup>1</sup> Маршак Моисей Ефимович — профессор-физиолог, специалист по детскому туберкулёзу.

<sup>2</sup> Широкий Василий Фёдорович (1903–1983) — профессор, с 1944 — директор Сталинградского мединститута, зав. кафедрой нормальной физиологии.

<sup>3</sup> Деларю Елена Михайловна — профессор, с 1941 по 1961 зав. кафедрой общей гигиены и экологии Сталинградского мединститута.

его системы. Президиум направил В. И. Орлова ко мне, а меня просил ознакомиться с запиской Василия Ивановича и дать отзыв о его системе<sup>1</sup>.

С возвращением после сессии АМН из Сталинграда у меня связано неприятное воспоминание о курьёзном проявлении опеки надо мною со стороны заменявшего президента АМН Н. Н. Жукова-Вережникова<sup>2</sup>. На обратный отъезд нужно было в Секретариате сессии заказать билет либо на поезд, либо на самолёт. Я собственноручно записался на приобретение билета на самолёт и рассчитывал улететь утром. К моему удивлению, мне был куплен билет на поезд, так как вице-президент АМН, просматривая лист записавшихся на самолёт, рассудил, что незачем подвергать риску сердце человека старше 80 лет, и распорядился вычеркнуть меня из числа желающих лететь. Сделано это было без всякого согласования со мною. Таков уровень культуры, осуществления забот о членах АМН! Железнодорожный билет был куплен без моего поручения, возражать было поздно.

В Москве на Рязанском (ныне Казанском) вокзале, при моём возвращении утром из Сталинграда меня встретил П. К. Агеев, прилетевший накануне на самолёте. Он обрадовал меня тем, что уже получил для меня билет до Ленинграда на ночной поезд. Таким образом, в моём распоряжении в Москве был целый день. Я решил посетить строительство нового университета на Ленинских горах. Высотное здание с колоссальным шпилем, разумеется, своими размерами и высотой производило сильное впечатление. К нему вели широкие асфальтобетонные магистральные дороги; примыкавшие к зданию площади были одеты в гранит, украшены многочисленными монументами, их обрамляли обширные аллеи и сады с фруктовыми деревьями. Я с горечью вспомнил, как год назад, я видел грузовые машины, подвозившие стройматериалы и оборудование, увязая в разбитой, не мощёной дороге. Тогда удивлялся, почему стройка не начинается со строительства тех дорог и подводящих путей, которые предусмотрены на плане. Теперь капитальные асфальтовые и каменные дороги производили импозантное впечатление своей шириной, своей мощной сетью. Замечательным достижением благоустройства всей территории нового университета на Ленинских горах были обширные сады, примыкавшие к гигантскому зданию. Но невольно думалось, насколько же дешевле, удобнее, красивее было бы, если бы все факультетские здания и все общежития были живописно расположены в этих обширных, занимающих сотни гектаров, садах, а не были бы взгромождены на двенадцатые, двадцатые этажи с бесконечно более дорогими устройствами для сообщения, для связи с окружающей природой. Однако все удобства, вся подлинная красота, вся необходимая разумная экономия государственных средств и на строительство, и на последующее обслуживание — всё это принесено в жертву одному детерминирующему желанию произвести ошеломляющее впечатление, ослепить величием самого здания.

---

<sup>1</sup> К сожалению, в рукописи воспоминаний отсутствуют несколько страниц, так что система Орлова останется для нас неизвестной.

<sup>2</sup> Жуков-Вережников Николай Николаевич (1908–1981) — микробиолог и иммунолог, академик АМН СССР, её вице-президент (1949–1953).

По возвращении в Ленинград в начале мая мне пришлось сделать подробные доклады о Сталинградской сессии АМН по медико-санитарному обслуживанию великих строек коммунизма: сначала на международной научной конференции в ГИДУВе, затем в общем собрании членов Ленинградского отделения Всесоюзного гигиенического общества и для врачей санэпидстанции Дзержинского района. Всюду я пытался передать аудитории всю глубину и силу впечатления, которое создаётся при созерцании меняющих самый облик природы замечательных по замыслу и размаху строек.

С весны и лета 1951 г. я стал непосредственно участвовать в устройстве нового дома и придомового участка в Пушкине (на улице Жуковского, 12). В 1949 г. Екатерина Ильинична освободилась от заведования детским санаторием, который был ею создан и восстановлен после войны. Невозможность найти в Пушкине квартиру и желание создать условия для возвращения в этот город сына с семьёй, получившего назначение в Харьков, подвинуло меня решиться на индивидуальное строительство. Участок в 600 кв. метров был отведён Пушкинским райсоветом на месте сгоревших и разрушенных строений. Заготовка бутового камня и старого кирпича из фундаментов прежних домов была начата ещё осенью 1949 г. Очень трудно было получить разрешение на постройку дома в архитектурном управлении Ленинграда. Там требовали, чтобы дом был не менее 15 м по фасаду, двухэтажный, с всякими ненужными архитектурными добавками (колонны и пр.). В конце концов, план был утверждён после переделки его одним из архитекторов Управления архитектуры Ленсовета. Для того, чтобы выполнить требование размеров не менее 14 м, к 10-метровому дому была добавлена 5-метровая добавка оштукатуренного дощатого вестибюля. Требование двухэтажности выполнено было мезонином в две комнаты. За неимением кирпича главным стеновым материалом стали шлакобетонные блоки. Все заботы и всё руководство строительством выпало на долю Екатерины Ильиничны. В 1951 г. сооружение дома в основном было закончено, и в нём с осени уже жили в наспех отделанных помещениях Екатерина Ильинична и Илья с женой и ребёнком. Моё участие в строительстве ограничивалось советами и финансированием, по 2–3 тыс. руб. ежемесячно в течение всего строительства и сверх того — сумма авторского гонорара за книгу об удлинении жизни и активной старости (30–35 тыс. руб.). При постройке, по моему настоянию, в отступление от утверждённого плана были добавлены два балкона в торцовых концах здания и противопожарная винтовая лестница, обеспечивавшая второй (запасной) вход в мезонин. Я сам осуществил в натуре планировку придомового участка, к которому было прирезано ещё 600 кв. м на правах долгосрочной аренды у Пушкинского коммунального отдела.

В течение весны, лета и осени 1951 г. мало-помалу я всё чаще в часы отдыха думал о превращении всего придомового участка во фруктовый-ягодный сад с цветниками и многолетними посадками. Создание нового благоустроенного сада на месте захлавленной свалки требовало больших усилий и напряжения. Всю непосредственную работу я делил с Ильёй, который копал, возил тачкой землю, сажал и пересаживал кусты и деревья.

По привычке я работал преимущественно ранним утром, пока все ещё спали, — с 5–6 часов. Меня увлекала возможность не только задумать, но и самому осуществить планировку дорожек, посадок, грядок. От увлечения физическим трудом наступало здоровое утомление. С приятным изумлением я убеждался, что могу ещё хорошо переносить большую нагрузку физическим трудом. А по мере укрепления этой внутренней связи с новым домом, начала слабеть и тускнеть закреплённая почти сорокалетней давностью привычка к работе на «Полоске».

Много радости доставил мне приезд ко мне моей сестры Евгении Григорьевны Левицкой с внучкой Люсей (Ольгой Игоревной, дочерью её сына Игоря), в то время 14-летней школьницей, хотевшей увидеть в Ленинграде и его окрестностях все достопримечательности, о которых она так много слышала и читала. Приезд сестры совпал с перерывом в моих лекционных занятиях, и я систематически, каждый день, предпринимал экскурсии то в Пушкине и Павловске, показывая гостям замечательные парковые красоты, то в Ленинграде, полном достопримечательностей, то в Петергофе с его фонтанами, то на Елагином острове. Показывая художественно-архитектурные памятники Ленинграда, я сам освежал в своей памяти впечатления от первого знакомства с ними в давно ушедший в прошлое период моей жизни.

В августе в течение нескольких дней по предложению архитектора Ю. Г. Круглякова я осматривал вместе с ним новое парковое строительство на Крестовском острове. Целый экскурсионный день употребили мы на то, чтобы пешком обойти все части нового Приморского парка Победы и подробно познакомиться с законченным строительством Кировского стадиона, — грандиозного по размерам и величественного по архитектурным замыслам нового сооружения сталинского периода (архитектор А. С. Никольский). Несомненно, это сооружение перейдёт в века, как памятник строительства, завершённого вслед за окончанием второй Отечественной войны. Грандиозность и величие — вот основные мотивы, наиболее ярко характеризующие и стадион, и сам парк Победы. И вновь, ни экономия средств и сил, как при самом строительстве, так и при последующем содержании, ни удобство для постоянного доступного пользования сооружённых объектов населением не были в числе руководящих идей и задач при их проектировании. Поистине: «Ты и убогая, ты и обильная, Ты и могучая, ты и бессильная, Матушка Русь...»

В послевоенные годы, так же, как и в первые два десятилетия советского периода, я организовывал и руководил экскурсиями инженерно-архитектурного персонала и санитарных врачей в бывшее Царское Село (Пушкин) для критического освоения ими опыта осуществления общего и специального санитарного благоустройства в небольшом городе. При этом немаловажную роль играло изучение особенностей устройства знаменитых Царскосельских парков. Существенной стороной в этих парках является широкое использование гидротехнических сооружений для создания замечательного сочетания художественного и санитарного эффекта кристально чистых вод прудов и каскадов с красотой и оздоравливающим действием удачных парковых планировок. Чистота прудов обуславливалась

питанием их ключевой водой, проведённой из Таицких родников и ключей. Построенный ещё в XVIII в. водовод на главном протяжении представлял собой открытый канал, проходивший по парковым пространствам, но в наиболее ответственной части, где водовод пересекал высокую гряду, он на протяжении более четырёх километров шёл в тоннельном сооружении («минной галерее»). Ещё до немецкой оккупации в этой части водовода произошли значительные повреждения, но всё же через тоннель поступало достаточно ключевой воды для поддержания в прудах проточности, перепадов и каскадов. Немцы использовали некоторые из сооружений «минной галереи» для создания огневых точек, из-за чего пропуск ключевой воды через тоннель был совершенно нарушен. Пруды царскосельских парков обмелели, стали зарастать и утрачивать свою художественную прелесть и санитарные достоинства. На восстановление Таицкого водовода требовались значительные средства, которыми дворцово-парковое управление не располагало.

Ещё в июле с циклом санитарных врачей по водоснабжению и охране водоёмов, на автобусе ГИДУВа, я руководил экскурсией для осмотра Таицких ключей. Для решения вопроса о возможности восстановления Таицкого водовода необходимо было выяснить причины прекращения прохода воды через минную галерею. Я с большим интересом принял участие в обследовании и в обсуждении вопроса об организации восстановительных работ, в результате которых начало бы поступать достаточное количество ключевой воды для питания прудов. К сожалению, пока безрезультатно.

Летом 1951 г. я несколько раз показывал моим слушателям запущенный и захламлённый берег Невы в лучшей части её течения в Ленинграде, в районе Смольного, — участок левого берега от Охтинского моста, мимо Смольного и крупнейшего в Союзе учреждения для инвалидов-хроников (на 3,5 тыс. мест) до выхода к Неве проспекта и бульвара имени Чернышевского. Особенно замечателен участок невского берега там, где к Неве примыкают задворки Смольного. Здесь с высокого берега открывается чудесный вид на широкий водный простор Невы в том месте, где впадает в неё с противоположной стороны река Охта. Высота берега позволила бы создать здесь набережные в два яруса: нижний — со спусками к лодочным и парходным пристаням, с площадками, пешеходными полосами и прогулочными аллеями у береговых ограждений, и верхние набережные с широкими проездами и насаждениями, примыкающими непосредственно к остаткам старых парков, окружающих Смольный собор, один из крупнейших архитектурных памятников Растрелли, и с парками, окружающими Дом инвалидов. Разумеется, Дом инвалидов и больница для хроников, занимающие несколько кварталов этой прибрежной части центрального района Ленинграда, не должны оставаться здесь. Для правильной организации трудовой терапии и здоровой жизни хроников современные крупные учреждения для них должны быть вынесены за пределы города. Они должны устраиваться в хорошо оборудованных загородных имениях с многоотраслевым садово-огородным сельским хозяйством. Совершенно непостижимо, каким образом в этой лучшей части береговой линии Невы, в центре города, оставались эстакады для стоянки шаланд, наполняемых фекалиями,

с постоянным движением к ним ассенизационных цистерн, бочек асобо-за. В течение многих лет я обращал внимание на огромные планировочные возможности создания набережных и парковых устройств в этой части города — с включением в них всей системы зданий и садов прежнего Смольного монастыря, которые являются очень показательным и поучительным прототипом целой секции кварталов с застройкой только по краю квартала («рантовая» застройка украинских градостроителей). В 1951 г. я составил и направил в Ленсовет специальную записку с обоснованием необходимости устройства общедоступных набережных и парковых насаждений на протяжении от Охтинского моста до проспекта Чернышевского. Предложение это обсуждалось с моим участием в Мариинском дворце в конце лета 1951 г., причём решено было поручить архитектурному отделу разработать этот вопрос. К сожалению, я не знаю дальнейшей судьбы этого документа.

Как сложен и длинен путь от формулирования и обоснования, казалось бы, совершенно неотложных и необходимых мероприятий по благоустройству города до их практического осуществления! Я имел случай в этом убедиться во время экскурсии в начале зимы 1951 г. с циклом санитарных врачей по охране атмосферного воздуха от выбросов, создаваемых крупнейшей электростанцией Ленинграда, расположенной в густо застроенном и заселённом Смольнинском районе. Станция работала на низких сортах угля, с зольностью до 20 %. Ежедневно она сжигала более 1 000 т топлива и выбрасывала через свои дымогарные трубы более 100–150 т мельчайшей золы вместе с дымом. Этим дымом загрязнялся воздух в целом районе города. Изо дня в день в поликлиники обращались десятки людей с повреждением соединительных оболочек глаз попадающими в них частицами золы, выносимой из труб станции. Ещё в 1931 г., будучи заведующим сектором гигиены ВИЭМ, я составил подробную записку о том, что в связи с отказом вынести станцию, в соответствии с требованиями санитарного законодательства, на расстояние не менее 2-х км от жилых районов города, — на ней необходимо установить дымоочистители (электрофильтры Котреля). Записка эта была передана в Ленгорисполком. По решению Горисполкома была назначена комиссия. Несколько раз я был на 2-й ГЭС в заседании комиссии. Инженеры электростанции решительно отвергали возможность устройства электрофильтров. Местные условия не позволяли разместить бункеры для улавливаемой золы. В результате 2-я ГЭС осталась без дымоочистителей. Спустя несколько лет вновь было проведено тщательное обследование очистных устройств, и вновь — никаких практических результатов. Так дело тянулось до издания распоряжения Совета Министров об обязательности устройства дымоочистки на крупных электростанциях. Тогда в 1950 г. на 2-й ГЭС построили трубопровод через Неву, чтобы по нему под напором сильной струёй воды передавать улавливаемую из дыма золу вместе с размельчёнными котельными шлаками на свалку в заболоченной местности. На 2-й ГЭС приступили к устройству мультициклонов и электрофильтров. Во время экскурсии в ноябре 1951 г. мы осматривали уже действующие установки-мультициклоны и Котрели — на нескольких печках. На остальных велось спешно сооружение пластинчатых электрофильтров. Из труб выходили уже не тёмно-серые тучи пыли, а почти прозрачные струи дыма.

Таким образом, понадобилось 20 лет настойчивых действий со стороны санитарных организаций, чтобы добиться перехода к практическому осуществлению необходимых мероприятий вместо разговоров и оттяжек. Но наряду с чувством удовлетворения от того, что хотя бы и через 20 лет, но всё же, в конце концов, началось выполнение санитарных требований охраны здоровья населения, тяжело было видеть беспорядочное загромождение огромной территории электростанции складами топлива, старым хламом, железнодорожными вагонами, ожидавшими разгрузки и т. д. А на наши вопросы, зачем прибегли к дорогостоящей прокладке трубопроводов по дну Невы и удалению гидравлическим путём золы и шлаков на свалку в болото, когда эти материалы могли на месте служить ценным сырьём для получения крайне дефицитных строительных шлаков и заменяющих цемент вяжущих материалов, как это доказано исследовательскими работами Института коммунального хозяйства, мы получили чисто бюрократический ответ руководящих инженеров: «Наше дело давать электроэнергию и для нас зола и шлаки — это только отбросы, а не сырьё. Мы и удаляем эти отбросы наиболее простым для нас способом гидрозолоудаления. Да к тому же и для переработки золы и шлака в стройматериалы наша электростанция не имеет необходимой территории». Я напомнил, что для электрофильтров 20 лет руководители 2-й ГЭС не находили места, а когда оказалось неизбежным — место нашлось. Что же касается изготовления из золы и шлаков стройматериалов на самой ГЭС, то на это следовало бы смотреть всего лишь как на абсолютно оправданное устройство дополнительного производственного цеха. Советские инженеры и производственники должны быть не чиновниками, а расчётливыми хозяевами и не устраниваться от комплексного подхода к производственным задачам.

Мои спутники, молодые санитарные врачи, с увлечением слушали горячий спор мой с инженерами, к которым, как к специалистам, я относился с уважением. Симпатии санитарных врачей были не на стороне бюрократического узкого подхода к своим профессиональным задачам. Но все мы испытывали большое удовлетворение, что в интересах благоустройства города, охраны его атмосферы от загрязнения, для оздоровления населения осуществлено сложное, дорогостоящее санитарно-техническое сооружение.

Невзирая на мой уже более чем 80-летний возраст, я не показывал признаков утомления и не обращал внимания на сильные токи то горячего, то сырого и холодного воздуха в подвальных помещениях, то пронзительного холодного зимнего ветра, когда, выйдя из здания, мы довольно долго ходили по огромному захламлённому двору 2-й ГЭС. К моей беде, эта захватывающе интересная, сильно затянувшаяся зимняя экскурсия не прошла, как бывало всегда в прежние годы, безнаказанно для моего здоровья. В ближайшие дни меня мучили ревматические боли в пояснице и тазобедренных суставах, а затем начался упорный кашель. Меня навестил всегда отзывчивый и внимательный профессор Владимир Андреевич Свешников, сам ещё не совсем оправившийся от недавно перед тем перенесённой пневмонии. После тщательного выслушивания он нашёл рассеянные воспалительные очаги в обоих легких. Я проболел почти весь декабрь и на себе испытал как не годы сами по себе, а в связи с болезнями, от которых в эти годы нужно

благоразумно оберегаться, ускоряют старение и вызывают чувство старости. В моём сознании, как отметил я в дневнике, «оформилось, в связи с этой болезнью в декабре 1951 г., состояние наступающей старости».

В начавшемся новом 1952 г. я, как всегда, был поглощён составлением годового отчёта за истекший год по кафедре коммунальной гигиены ГИДУВ, годового отчёта о других работах и плана научных работ в начавшемся году для Академии медицинских наук, а также завершением моих отзывов, как официального оппонента, на диссертацию Гайсиной по истории попечения о душевных больных в России XVIII и начала XIX века и на диссертацию Хомутовой. Докторская диссертация последней об экспериментальной проверке санитарно-гигиенического состояния воздуха в больничных палатах и жилищах была интересна мне ввиду её практического значения, и я тщательно проверял все расчёты автора. В общем итоге, я дал положительный отзыв. Ниже я расскажу о совершенно неожиданном провале этой весьма основательной диссертации во время защиты её в Учёном совете из-за случайных, привходящих обстоятельств. В январе я заканчивал только первоначальный мой отзыв о ней.

Очень тщательно готовился я к проведению предстоящего специального цикла для санитарных врачей по охране водоёмов и по водоснабжению. Как всегда в начале года, я разрабатывал план докладов на заседаниях ЛОГО. Среди этих работ я не чувствовал привычного подъёма и прилива энергии. Временами мне приходилось преодолевать нараставшее чувство недомогания и хворости. 7 января я записал в дневнике: «Чувствую себя больным. Боюсь, что это болезнь с неизбежным летальным исходом, название её — старость. В первый раз это доходит до моего сознания с такою отчётливостью». Но... уже 23 января я прочитал в ЛОГО свой доклад о задачах и перспективах работы Общества в 1952 г., продолжавшийся более часа. Говорил я с подъёмом и без всякого утомления.

В конце января, возвращаясь из кино через пустыри и кварталы с развалинами домов по скользкой дороге, Екатерина Ильинична упала и сломала ногу в области лодыжки. На финских санках Илик довёз пострадавшую домой. Немалого труда стоило вызвать скорую помощь. Прибыл врач, страдающий запоем, в нетрезвом виде. Крайне неумело положил ногу в лубки. Только утром удалось наложить гипсовую повязку. Вообще это было очень тяжёлое время, пока перелом стал подживать настолько, чтобы, опираясь на костыль, Екатерина Ильинична смогла передвигаться в гипсовой повязке.

Не могу не вспомнить и крайне тяжёлых неприятностей, которые я испытал около того же времени в связи с моим положением председателя Ленинградского отделения Всесоюзного общества гигиенистов. Старейшему по годам члену этого Отделения А. П. Омельченко исполнилось в январе 80 лет жизни и 50 лет общественной работы в Ленинграде в качестве санитарного врача. Незадолго перед этим директор НИИ гигиены М. Я. Никитин «сократил» должность научного сотрудника, которую занимал А. П. Омельченко. Нуждавшийся А. П. Омельченко занял место санитарного врача в районной санэпидстанции с окладом не 2 100 руб., как в Институте, а всего 900 руб. и теперь, оставляя работу в силу нездоровья, он получил пенсию не 1 000 руб., а только 400 руб. в месяц. На эту неболь-

шую пенсию прожить было очень трудно, поэтому в связи с его 80-летием я просил, чтобы Правление ЛОГО возбудило ходатайство о начислении пенсии А. П. не из оклада санитарного врача, а из оклада старшего научного сотрудника НИТИ. Но против этого был М. Я. Никитин. У него сквозила личная неприязнь к А. П. Омельченко, и против этого ничего нельзя было поделать. Составленное мною приветствие А. П. от Правления прошло без возражений, но я был очень огорчен несправедливым и необъективным отношением к вопросу об улучшении материального положения юбиляра.

В 1952 г. начало всё более отчётливо выявляться какое-то общее течение устранять и удалять с более видных должностей даже очень заслуженных работников, если они считались евреями или носили напоминавшие о еврейском происхождении имена и фамилии. Особенно эта тенденция проявилась после назначения на должность заведующего Горздравом присланного из Москвы Похвалина, который одного за другим снял с должностей главных врачей больниц, а также уволил даже таких ценных работников, как заместитель заведующего здравотделом Ю. А. Левин и зав. отделом эпидемиологии Горздрава И. М. Аншелес. Никаких ходатайств и представлений о приостановке этих вредных для дела здравоохранения действий, никаких возражений и разъяснений о несовместимости их со статьёй 123 Конституции ни от кого не последовало. Слишком прочно были усвоены уроки опыта всяких, даже самых лояльных проявлений критики появившихся новых тенденций, чтобы могла даже возникнуть самая мимолётная мысль сделать местом для такой критики собрания медицинских обществ.

Продолжая свою деятельность по снятию с ответственных постов в Горздраве советских людей с еврейскими или «подозрительными» фамилиями, Похвалин уволил двух руководящих работников из отдела скорой и неотложной помощи (доктора Муница и М. А. Месселя). Ещё задолго до увольнения последнего в секции статистики и здравоохранения был назначен его доклад — «Материалы о развитии деятельности Скорой помощи в Ленинграде». Совсем неожиданно в день заседания секции я получил вызов явиться в Горком партии к заведующей вопросами деятельности научных обществ. Я чувствовал себя не совсем здоровым и очень усталым после лекции. Казалось, если тому или иному работнику в Смольном нужно было говорить со мною, человеком 83-летнего возраста, как с председателем Общества, то он мог бы либо поговорить со мной по телефону, либо заехать в Институт или зайти на кафедру. Но у работников Горкома укоренились дурные нравы прежнего охранного отделения и начальственного чванства. Не желая, однако, навлекать какие-либо неприятности на Общество, я в назначенное время прибыл в Смольный. Продолав всю процедуру для получения пропуска, я был принят в рабочем кабинете заведующей отделом науки. Мне были заданы сначала вопросы о том, чем занимается Общество, какие доклады предстоят на его ближайших заседаниях. Я рассказал об организации Общества, указав, что постоянное согласование всей работы с партийным руководством осуществляется заместителем заведующего Здравоотделом М. Я. Никитиным; рассказал, что сам я, как председатель Правления, руководжу работой Правления и общими собраниями, что работа Общества идёт также в секциях, которыми руководят бюро секций

и члены Правления. От меня потребовали, чтобы назначенные на вечер этого дня доклады о развитии деятельности Скорой помощи в Ленинграде были сняты. Я пытался возразить, как трудно сделать это ввиду того, что заседание секции начнётся скоро, отменить его невозможно. Но требование об отмене заседания секции было повторено в категорической форме, с указанием, что иначе дело в отношении Общества будет передано для ведения в ином порядке.

Я поспешил на ул. Мира, где должна была заседать секция. Вместе с секретарём Правления С. А. Кечек я просил бюро секции отменить заседание, на которое уже начали собираться участники, а докладчика убедил снять свой доклад.

На последовавшем затем заседании Правления я заявил, что ввиду проявленного ко мне недоверия мне трудно выполнять обязанности председателя, и просил освободить меня от руководства Обществом. Ни одного голоса в поддержку и защиту достоинства Общества и его председателя в Правлении не поднялось. Впервые я ясно почувствовал желание не нести больше ответственности за развитие деятельности ЛОГО. При таком отношении Правления, в такой атмосфере бюрократической запуганности и угодливости всякая научная инициатива, всякая работа по подъёму научной общественной жизни останется безуспешной.

Одного мне было жаль, что за все 27 лет работы Общества ни разу не удалось осуществить издание Сборника трудов его членов или хотя бы отчёта или обзора деятельности Общества. Сколько раз поднимал я вопрос об издании трудов Общества! Много труда и времени тратил на редактирование стенограмм наиболее интересных заседаний Общества в годы наибольшего подъёма его деятельности, на составление сжатого изложения важнейших докладов, на обработку годовых отчетов и иллюстрирование их схемами и графиками. Были подготовлены издания к десятилетнему (в 1936 г.) и к 20-летнему юбилею (в 1946 г.) Общества, но мы не сумели преодолеть всех трудностей и преград, стоявших на пути к получению разрешения и фактической возможности издания. Бесплодным остался опыт организации и разностороннее содержание научной санитарно-гигиенической деятельности и жизни наиболее крупного и наиболее разносторонне и интенсивно жившего Отделения Всесоюзного общества за весь период 1924–1952 гг. Только в 1950 г. в статье в журнале «Гигиена и санитария» мне удалось отметить основные результаты деятельности ЛОГО за четверть века.

Как ни казалось мне неправдоподобным и невероятным мнение некоторых уважаемых мною профессоров (профессор И. Н. Шапиро и др.), что не только Знаменский, но и целая группа профессоров, членов Учёного совета, руководствуются в своих голосованиях не научными соображениями, а грубыми, тёмными расовыми предрассудками, недостойными культурного и просто порядочного человека, но мне пришлось убедиться в правильности этого мнения, когда я стал внимательно относиться к результатам тайного голосования при присуждении учёных степеней. Бывали случаи, когда диссертация со значительным числом отмеченных недочётов при голосовании получала только положительные записки, и в том же за-

седании, как это было, например, 22 апреля, диссертация, о которой оба официальных оппонента и целый ряд неофициальных рецензентов отзывались с исключительной похвалой (диссертация Черниловской) получила 5 отрицательных записок, как и в других случаях, когда автора исследования можно было заподозрить в еврейском происхождении. Хотя голосование было тайное, оно явно и непререкаемо свидетельствовало о тёмном, недостойном антисемитизме значительной группы голосовавших.

Очень много времени брала у меня работа в качестве официального оппонента над рецензированием диссертаций. Ещё в 1951 г. я получил приглашение дать рецензию на докторскую диссертацию Ю. А. Левина. Темой его работы был вопрос о построении классификации и номенклатуры болезней на основании опыта разработки больших материалов регистрации заболеваемости детских групп населения в Ленинграде. На изучение этого вопроса автор потратил много лет. Он полностью учёл глубокое изменение взглядов на этиологию заболеваний разных органов с точки зрения учения И. П. Павлова, проявил смелое новаторство в трактовке вопроса о построении номенклатуры (т. е. общего списка) болезней в соответствии с фактическими основными медицинскими специальностями. Из его большой двухтомной работы можно было убедиться, что он является глубоким знатоком проблемы и делает вполне обоснованные выводы. При защите диссертации 30 апреля 1952 г. все три официальных оппонента на основании всестороннего разбора работы давали вполне благоприятный отзыв о ней. Членами Учёного совета соискателю был задан длинный ряд вопросов об отнесении некоторых специальных и редких заболеваний к тому или другому разряду номенклатуры. С большой осведомлённостью диссертант давал подробные разъяснения на все вопросы. С такой же обстоятельностью Левин отвечал на все замечания неофициальных оппонентов. После многочасового заключительного ответа диссертанта, непосредственно перед голосованием, председатель (Д. Л. Жданов) обратился к членам Учёного совета с настойчивым призывом при голосовании не поддаваться красноречивым доводам официальных оппонентов, а поддержать его личное отрицательное отношение к диссертации. Это было совершенно необычное давление на Учёный совет. И казалось, что оно решит дело не в пользу диссертанта. Однако я с изумлением и уважением к Совету услышал сообщение счётной комиссии, что большинство голосов были утвердительными. Но это было только началом длительной борьбы Левина за положительное решение вопроса, борьбы, которая продолжалась до самой его смерти в 1962 г. ВАК отменил постановление Учёного совета Института, Левин обжаловал это решение ВАКа, доказав его неправильность. Ещё и ещё рассматривалось дело в разных инстанциях. В открытом бою побеждал учёный специалист, его доводы, но затем, при оформлении в недрах ВАК, брала верх антисемитская подлая предвзятость.

В течение всего 1952 г. я не чувствовал себя ещё совсем оторвавшимся от «Полоски». Я жил в привычной для меня комнате. На полках лежали материалы, над которыми я работал, и все мои начатые и ненапечатанные работы, в которые я вносил дополнения и поправки, часто просыпаясь ночью. В десятках папок лежали письма за многие годы. Справочники, книги,

сборники — с прокладками, моими отметками и записями — всё это было под рукою, на хорошо известном мне месте, было автоматически мне доступно, когда я обдумывал предстоящую лекцию или готовился что-либо писать. Но не только эта привычная для меня комната, в которой я привык жить, думать и читать, писать и готовиться к докладам, лекциям и конференциям, в которой я спал и просыпался с новыми мыслями утром, но также и сама «Полоска» — вся её территория — была местом постоянного приложения моего труда. Тут всё было обильно полито моим потом, когда я корчевал пни и сажал кусты и деревья; когда в тиши белых ночей, пока все спали, возил балласт и землю для подсыпки дорожек и поднятия заниженных мест; когда разделявал и вскапывал грядки, прокладывая борозды и дренажные канавки на поле орошения. Но всё более до сознания доходило, что всего, что я делал раньше, я уже делать не в силах. На всё и теперь передаю я средства, но распоряжаюсь средствами не я; от всего я исподволь всё более оттесняюсь. Одним словом, на «Полоске» для меня всё идёт как в тургеневском «Короле Лире». Всё глубже я понимаю и не могу подавить в себе переживаний тургеневского «Вшеда». Нарастание психологической надстройки «на бытовом базисе» схвачено Тургеневым с шекспировской естественно-исторической обнажённостью. В летних моих записях не раз встречаются такие, как, например, запись 13 августа: «Возвращаясь на “Полоску”, я впадаю в такое состояние, точно очнулся в давно отошедшей в прошлое окаменевшей обстановке, и кажется — всё это было когда-то, только не знаю, когда».

Осенний семестр был особенно загружен занятиями с двумя циклами санитарно-коммунальных врачей, руководителей санитарно-эпидемиологических станций. И на лекциях, и в постоянных беседах по поводу лекций, и на экскурсиях, и на производственных совещаниях, как всегда, я более или менее близко знакомился с каждым участником цикла, подробно обсуждал с каждым практические задачи и нужды санитарного благоустройства, которые вытекали из местных условий. К концу семестра каждый участник цикла представлял работу с подробным изложением санитарных условий города или района и с систематическим планом и очерёдность мероприятий по оздоровлению территории. В процессе выполнения этого плана неизбежно у каждого пробуждался интерес к своему району и к возможному проявлению своего авторского почина и творчества в поднятии уровня здоровья населения и созданию здоровой, удобной, хорошо налаженной жизни. Каждую работу я внимательно прочитывал и подробно обсуждал с автором, какие меры и в какой последовательности могли бы и должны были бы найти практическое осуществление в условиях данного города или района. Как всегда, на заключительном производственном совещании участников цикла с представителями всех кафедр, проводивших занятия на цикле, очень много говорилось со стороны курсантов о полученных ими знаниях и о расширении у них санитарного кругозора. Были искренние выражения товарищеской признательности работникам кафедры. Один из пожилых участников последнего цикла — санитарный врач города Майкопа — очень убедительно показал пользу и правильность постановки дела на цикле на своём личном примере. После более чем 15-летней санитарной

работы, сказал он, он впервые возвращается к месту своей службы с ясным планом и твёрдым сознанием значения санитарно-гигиенических оздоровительных мероприятий. На заключительных совещаниях с врачами-курсантами всегда присутствовал декан санитарного факультета Ф. Ф. Лебедев. И в этот раз от лица дирекции он поздравил курсантов с успешным окончанием цикла и пожелал им настойчивости в проведении в жизнь всех усвоенных на курсах знаний. При этом особенно восхвалялся я, как руководитель цикла и как неутомимый санитарный деятель, ничуть не ослабляющий темпов и объёма работы, невзирая на возраст.

В бодром, даже несколько повышенном настроении я вместе со всеми сотрудниками вечером на следующий день принимал участие в заседании районного санитарно-эпидемического совета в Пушкине. А возвращаясь после заседания, я был ошеломлён переданным мне сообщением, что из Москвы получено дирекцией распоряжение — устранить из состава профессуры ГИДУВа всех учёных еврейского происхождения, в том числе и таких наиболее авторитетных и пользующихся широкой известностью учёных, как профессор онкологии С. А. Холдин, профессор нейрохирург И. С. Бабчин, уролог И. Н. Шапиро, профессор акушерства и гинекологии А. Э. Мендельштам и другие. В списке удаляемых из института была и моя фамилия, и Полякова — второго профессора возглавляемой мною кафедры коммунальной гигиены. Известие это передавалось непосредственно со слов самого директора института проф. Н. Н. Мищука. Каким бы диким и нелепым оно ни казалось, в его достоверности сомневаться было нельзя. Меня охватило чувство презрения и отвращения к тем, от кого исходило это откровенно погромное распоряжение, и в то же время я испытывал непреодолимое чувство обиды и невыносимого, совершенно незаслуженного оскорбления.

Несколько большее место во всём содержании моей жизни после войны занимала работа с санитарно-гигиеническими циклами врачей, приезжающих в ГИДУВ из всех концов нашего Союза. Я попытался подсчитать по записям в моих дневниках число прочитанных мною лекций за последний — 1952 — год моей работы в ГИДУВе и число часов, затраченных мною на руководство экскурсиями с участниками циклов. Оказалось, что в 1952 г. мною было прочитано 370 лекций, прочитано и обсуждено с авторами 67 тетрадей работ, написано 5 рецензий на кандидатские и докторские диссертации; на защите этих диссертаций я выступал в качестве официального оппонента.

Естественно, что известие об отстранении меня от этой работы, находившей постоянную признательность и самый искренний отклик у слушателей и товарищей по кафедре, вызвало у меня чувство раскрывающейся передо мной пустоты, подействовало на меня парализующе. В самом начале января 1953 г. я был вызван к директору. Вместе с оказавшимся у него в кабинете деканом санитарного факультета Ф. Ф. Лебедевым директор Мищук стал говорить мне о глубоком уважении ко мне, о признании дирекцией моих заслуг в безукоризненной постановке дел на кафедре и о большом огорчении дирекции и деканата ввиду полученного из Москвы распоряжения о прекращении моей работы в институте. В самой категорической

форме я заявил, что заявление об уходе я сам не подам, так как рассматриваю устранение меня от работы как явное вредительство делу повышения квалификации санитарных врачей. У меня не вызвало никакого сомнения, что если директор Мищук и декан Лебедев так настойчиво говорят мне, что они признают пользу моей работы и её безупречность, то они должны, прежде всего, об этом говорить не мне, а написать о вреде распоряжения о моём отстранении тем, от кого это распоряжение исходит. Лебедев высказал предположение, что, воспользовавшись случаем, свои счёты со мной сводит зав. кадрами Минздрава Гукосян, которому я возражал, когда он хотел сократить должность специалиста — инженера по санитарной технике из состава сотрудников кафедры коммунальной гигиены. Гукосян, как чиновник НКЗ, проявил черты мелкого провинциального сатрапа. Спустя две недели ко мне на кафедру пришла, по поручению дирекции, одна из служащих и вручила мне мою трудовую книжку, в которой было записано, что я освобождён от должности профессора в Институте с предупреждением за 2 недели (вследствие сокращения штатов).

Проходили недели, но я не мог подавить в себе чувства незаслуженной обиды и унижения. Мне казалось, что это чувство должны были понимать и разделять вместе со мною и все члены правления Гигиенического общества, которые так единодушно в течение более чем 25 лет выбирали меня своим председателем. Не видя у правления Общества никаких проявлений обиды за меня, я сообщил, что в создавшихся условиях прошу меня освободить от председательства.

К 1953 г. относится первое моё знакомство с Борисом Георгиевичем Ходасевичем, частые встречи с которым в последующие годы вызвали у меня значительный интерес и внимание. Б. Г. Ходасевич, агроном по образованию, ещё до Отечественной войны работал директором одного из крупных совхозов и после пятнадцатилетней этой своей работы решил перейти к преподавательской деятельности по подготовке агрономических кадров и, в частности, по надлежащей организации преподавания сельскохозяйственной экономики. Для этого ему пришлось позаботиться о получении учёной степени кандидата сельскохозяйственных наук. Темой для работы он избрал вопрос об использовании всех отбросов, отходов и сточных вод крупных городов для извлечения из них необходимых удобрений для обеспечения широкого снабжения городов громоздкими продуктами сельского хозяйства, такими как овощи, картофель, молоко.

С точки зрения экономики сельского хозяйства совершенно неприемлемыми являются огромные транспортные расходы на доставку картофеля в Ленинград, например, из Воронежской области, которые подчас намного превышают всю сумму расходов на само производство картофеля. Ещё более наглядна неприемлемость такого положения при доставке из отдалённых областей в крупные центры капусты, моркови, свёклы и др. овощей. Устройство крупных животноводческих ферм вблизи крупных центров для снабжения их молочными продуктами делает необходимым выращивание огромного количества фуражных и силосных культур, чтобы избежать транспортных расходов на доставку их из отдалённых районов. Возделывание же фуражных и силосных культур, равно как и овощей, в относительно

близких к центрам потребления районах требует подвоза большого количества минеральных удобрений, что, в свою очередь, ещё более увеличивает транспортные расходы. Исходя из этих соображений, Ходасевич подошёл к необходимости определить, какое же количество удобрительных веществ можно получить без расходов на транспорт путём рационального использования выбрасываемых в реки сточных канализационных вод в больших городах.

Точные расчёты, произведённые им на примере Ленинграда привели его к выводу, что со сточными водами в городе выбрасываются такие главные удобрительные вещества, как нитраты, фосфаты, калий, кальций и пр. — в несколько раз большем количестве, чем подвозится по железным дорогам минеральных удобрений для всей Ленинградской области. Этот вывод настолько заинтересовал Бориса Георгиевича, что он потратил немало времени на поездку в Московскую область для ознакомления с опытом нескольких совхозов и колхозов, использующих сточные воды столичной канализации для удобрительно-поливных целей. В результате Ходасевич в ходе своего кандидатского исследования пришёл к выводу о необходимости шире осветить весь вопрос очистки городских сточных вод на полях орошения. Он обратился ко мне с просьбой ознакомиться с выполненными им уже частями его кандидатской работы и дать заключение, в особенности в той части, в какой дело соприкасается с санитарно-гигиеническими требованиями обезвреживания городских отходов и сточных вод.

Я с большим интересом ознакомился с очень большим материалом, собранным и отчасти уже обработанным Ходасевичем. Мне импонировала добросовестность автора в поисках путей использования огромной ценности удобрений, выбрасываемых с большим вредом для санитарного состояния водоемов. У автора везде сквозило едва сдерживаемое негодование к той лёгкости, с которой специалисты-канализаторы относятся к ненужному расходованию десятков и сотен миллионов рублей на устройство тоннелей вдоль Фонтанки и других рек для самотёчной передачи сточных вод к устью рек и к последующей напорной перекачке этих вод в Финский залив.

После целого ряда бесед со мною Ходасевич дополнил свои материалы рядом ссылок на развитие полей орошения для использования сточных вод Берлинской канализации, а также материалами о соответственном использовании сточных вод Парижа, Одессы и других городов. Я охотно согласился быть официальным оппонентом при защите его кандидатской диссертации, когда совет Сельскохозяйственной академии в Пушкине встал перед трудностью найти специалиста по санитарно-гигиенической стороне использования сточных вод для удобрительных целей. Со своей стороны я настоятельно советовал Ходасевичу включить в свою работу в качестве показательного примера возможность устройства земледельческих полей орошения на землях крупного Детскосельского совхоза с использованием для этого сточных вод канализации г. Пушкина.

Мой совет был принят автором, и разработка этого примера вошла в качестве особого раздела в его диссертацию.

На почве общего интереса к делу развивалось и расширялось моё общение с Ходасевичем. К сожалению, моя болезнь в 1954 г. помешала мне

выступить официальным оппонентом на защите Бориса Георгиевича. Дело ограничилось прочтением моего отзыва о его работе. Впоследствии знакомство с Ходасевичем стало ещё более тесным, он стал постоянным участником моих совещаний и бесед с А. Г. Подвысоцким. По нашему предложению он выступил летом 1954 г. с докладом в санэпидсовете Пушкинской СЭС о наилучшем разрешении вопроса об очистке сточных вод в Пушкине путём их отведения на сельскохозяйственные поля орошения Детско-сельского совхоза. На этом заседании я подробно обосновал санитарно-гигиеническую сторону дела.

В то лето в Ленинград приезжали агроном К. Е. Еремеев и А. И. Львович, стоявшие во главе той организации в Москве, которая отстаивала необходимость более широкого распространения сельскохозяйственных полей орошения в Московской области. Участником нескольких совещаний по этому вопросу, проходивших у меня в Пушкине, был и Ходасевич. В дальнейшем практически сложилась рабочая группа с участием Ходасевича, Подвысоцкого и моим, сосредоточившая постоянное внимание на продвижении в практику сельскохозяйственных полей орошения в Ленинграде.

Для полноты отражения моей жизни и деятельности после прекращения профессорской работы в ГИДУВе следует упомянуть о деятельности моей в 1953 г. в качестве действительного члена Академии медицинских наук СССР. Об этой деятельности я каждый год представлял подробный отчёт в Президиум Академии и в бюро Отделения гигиены, микробиологии и эпидемиологии АМН.

В отчёте за 1953 г., отметив сокращение моей консультативной работы по вопросам моей специальной научной компетенции, связанное с прекращением моей работы в ГИДУВе, я поднял вопрос о желательности предоставления мне соответствующей возможности иметь определённые консультационные часы в таком крупном институте АМН в Ленинграде, как Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ). К сожалению, это моё ходатайство не имело никакого успеха и никакого ответа. В Отделении ГМиЭ оно не обсуждалось.

Кроме консультаций я вёл научно-исследовательскую работу по проблемам старости, старения и долголетия. Необходимые для этих моих исследований статистические материалы о сдвигах в последние годы в возрастном составе населения разных стран и о динамике причин смерти в наиболее пожилых и старческих группах (65–74, 75–84, 85–99), виду невозможности для меня в Ленинграде иметь вновь публикуемые сборники по мировой демографической статистике, по моей просьбе в Москве извлекал и присылал мне доктор экономических наук Фёдор Давидович Маркузон.

Сохранилось письмо, присланное мне Маркузоном в мае 1953 г., после того, как он ознакомился с началом моих воспоминаний, над которыми я тогда работал:

«...Записки я прочёл с живейшим интересом... Разумеется, для меня полно интереса всё, что я мог узнать о Ваших переживаниях, начиная с самого раннего возраста, о Вашем окружении и членах Вашей семьи, в среде которой Вы росли и развивались.

<...> Развитие любви к природе, изображённое в Ваших записках, раскрыло мне многое в Вашем облике. Равным образом очень интересны очерки гимназических лет, окончания гимназии и Московского университета...

Исключение из университета, Бутырка, тревожнения и, наконец, Дерптский университет — всё это очень, очень интересно...».

В лице Фёдора Давидовича я нашёл ценнейшего помощника в своей научно-исследовательской работе. На основании детального анализа и соответствующей обработки присылаемых им материалов мне удалось показать в нескольких сериях гистограмм закономерное нарастание, всё более усиливающееся с каждым дальнейшим годом жизни, в старческих возрастах после 75 лет (75–79, 80–84, 85–89, 90–94, 95–99 и старше) смертности от болезней сердца и сосудов.

На основании опубликованных новейших материалов о причинах смерти в старческих возрастах в ряде стран за 1949–1952 гг. я составил множество аналитических таблиц-графиков (гистограмм и диаграмм), выясняющих определяющие причины смерти в наиболее пожилых и преклонных возрастах. Считаю необходимым заметить здесь, что систематическое продолжение мною научно-теоретических работ с использованием новейших статистико-демографических материалов для изучения проблемы старости и удлинения средней продолжительности жизни относилось к программным работам АМН, включённым в пятилетний план Академии. О ней говорилось также в программе, утверждённой VII сессией.

Как к члену АМН, специально занимающемуся вопросами, относящимися к проблеме удлинения жизни и долголетия, обратилось ко мне в октябре Всесоюзное общество по распространению научных и политических знаний с предложением прочесть публичную лекцию на тему об удлинении средней продолжительности жизни и долголетию в СССР. 13 ноября 1953 г. я прочитал двухчасовую лекцию в лектории Общества в актовом зале Военно-санитарного музея в Ленинграде, во время которой продемонстрировал графики, составленные на основе данных мировой санитарно-демографической статистики за 1947–1952 гг.

## 1954–1967

В 1954 г. я составил программы работы специального кружка по изучению проблемы старости, старения и удлинения жизни при Ленинградском университете. В марте-апреле 1954 г. отредактировал рукопись работавшего под моим руководством Михаила Юрьевича Магарила под заглавием «Проблема удлинения жизни и деятельной старости», а в ноябре составил по заявке Общества по распространению знаний основные положения для проведения цикла лекций по проблеме удлинения жизни, сохранения трудоспособности в старости и трудоустройству стариков.

Весною 1954 г., когда выяснилось всенародное значение предстоящего открытия Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве, я воз-